

БЕРГСТЕД

ПРАЗДНИК
СВЯТОГО
МОРГЕНА

Р. БЕРГСТЕД

ПРАЗДНИК СВЯТОГО ЙОРГЕНА

ПОВЕСТЬ

Перевод с датского

Н. ТЕЛЯТНИКОВА

HARALD BERGSTEDT

JORGENSEFESTEN

Et æventyr

1919

Художник

А. ВАСИИ

«ПОРАЗМЫСЛИТЕ О СЕМ».

Евангелие от Иоанна, 3, 29.

На свете есть немало святых мест, где страждущее человечество вот уже многие тысячелетия прибегает к благодати божьей, но одним из самых достолавных до сих пор остается Йоргенстад с чудотворным плащом святого Йоргена.

Несметными толпами стекаются в Йоргенстад паломники на ежегодный праздник, а потом покидают его с кроткой

улыбкой на устах, облегченным сердцем и не менее облегченным кошельком (это блаженное ощущение хорошо знакомо всем набожным душам, побывавшим в святых местах).

Не счесть восторженных певцов, которых осеняло здесь вдохновение свыше, и они слагали благочестивые гимны во славу Йоргенстада. Вот хотя бы старый епископ Домпап: последний раз он был тут на восемьдесят девятом году жизни, когда совершал свадебное путешествие со своей седьмой женой, сопровождаемый двадцатью шестью внуками и правнуками. (Правда, голова его уже тогда тряслась на дряхлой шее, словно клапан парового котла, а ветер игриво теребил последние пять волосков на макушке.)

И вот, восседая на старинном стуле белого грушевого дерева, епископ сложил в честь Йоргенстада вдохновенный гимн из тридцати семи стрóf, который начинается следующими знаменательными строками:

О славный Йоргенстад
с корчмой и кабагами!
Хочу, чтоб стар и млад
меня встречал венками.

Паломник, где б ты ни был,
спеши со мной проститься,
и с песнею на небо
умчусь я, словно птица.

Но подобно тому как злая ирония, сомнение и коварная рассудочность гнусно проникают в человеческие сердца, преисполненные набожности и веры, и отравляют самые лучшие мгновения нашей жизни, так мерзкие мошенники пробираются иногда в святые храмы и, прежде

чем их удастся изгнать оттуда, кощунственно оскверняют наши самые дорогие реликвии.

На страницах этой книги повествуется о том, как Микаэль Коркис, один из самых бессовестных плутов своего времени, более известный под именем «Коронного вора», проник в Йоргенстад на праздник святого Йоргена, жил в божьем храме, как у себя дома, и, этакий злодей, спал с соборной невестой, пока его, к счастью, не изобличили.

Сейчас, когда бесхитростные души сокрушенно наблюдают, как презренные негодяи постыдно топчут их самые светлые верования, а люди благоразумные поддаются искушению — надо думать, самого дьявола — и насмешливо отмахиваются от стародавней простоты нравов и житейских представлений их достопочтенных пра- и прапрабабушек, — так вот, сейчас эта книга должна пролить целебный бальзам на раны тех праведников, что с божьей помощью еще сохранили детскую наивность и подлинное простодушие, не испорченное здравым смыслом.

Сведения, которые легли в основу настоящей книги, почерпнуты из следующих источников:

Знаменитые «Святцы» епископа Никодима, стр. 239, «Житие святого Йоргена».

Птоломей Правдолюбец, «Жития святых».

Профессор А. П. Бриллеман фон Снупфендорф, «Коронный вор и его время».

Магистр Йенсен, «Анналы мошенничества в средние века. Микаэль Коркис», стр. 87.

«Полезное чтение для народа», том 5, «Св. Йорген в Йоргенстаде», издано по заказу соборного капитула.

Родовая книга младших Фалькенбергов «Красное солнце», издание рода Фалькенбергов.

Архив собора. Приложение 42-е, «Тайное донесение о 253-м празднике св. Йоргена».

Евангелие от Йоргена. Здесь использовано 8-е, исправленное издание, подготовленное профессором Толлеманом, который перевел большую оригинальную работу епископа Тулина, восстановившего текст, написанный на тридцати девяти заплесневелых и сильно попорченных водой пергаментных листах, обнаруженных в 1845 году в пустой пивной бочке в Гейдельберге.

●

ПАЛОМНИКИ

Кто видел толпы паломников, валом валивших в Йоргенстад, тот знает, что такое валом валить, нишет кардинал Гротюс. С востока и запада, севера и юга стекаются сюда верующие; одни едут верхом, другие в повозках, третьи идут пешком, иные кашляют, иные прихрамывают, но все неудержимо рвутся вперед, неистово толкают и давят друг друга, лишь бы не опоздать и узреть чудотворный плащ святого Йоргена, выставленный на паперти собора, а потом услышать, как гроссмейстер трижды воскликнет громовым голосом: «Святой Йорген!.. Святой

Йорген!.. Святой Йорген!.. Мы благоговейно храним твой плащ!»

Паломники опираются на длинные посохи. Пыль покрывает их одежду и длинные бороды. Многие ковыляют на костылях, в тележках лежат калеки, больные и страждущие, раненые и умирающие, и у всех лишь одно стремление — прикоснуться к чудотворному плащу, который самым непостижимым образом исцеляет от всех недугов.

В руках у паломников маленькие голубые кружки, так называемые «чашки Йоргена», с пожертвованиями на плащ. Каждый, кто хочет прикоснуться к драгоценной святой реликвии, должен, само собой разумеется, внести свою лепту.

Целый год в жалких хижинах бедняков на оловянной полке стоит такая кружка, украшенная священной синей печатью самого капитула. Бедняки откладывают по грошу от своих жалких заработков, чтобы наполнить до верха святую соборную кружку. Частенько им приходится весьма туго, и, прежде чем опустить монету в кружку, они подолгу крутят и вертят ее в руках. Но на какую только жертву не пойдешь ради спасения души и грешного тела?

Нет, непременно надо попасть на праздник святого Йоргена. Народа там соберется видимо-невидимо. Ну, а побывать на празднике и не прикоснуться к чудотворному плащу — это уж просто несчастье, хуже ничего и не бывает. Кто знает, а может, ты и исцелился бы? Тому немало примеров. Не помог плащ в этом году, поможет в будущем. Не помог в будущем, значит на то воля божья: всевышний просто хочет испытать твое терпенье.

И вот кружка полна. Наконец-то удалось наскрести необходимую сумму. Сначала бедняки считают деньги. Потом начинают считать дни... Пройдет совсем немного времени, и они с умиротворенным сердцем начнут сладостное

паломничество по великому пути; они снова увидят всех своих старых друзей и знакомых, минуют деревни и дремучие леса и вдруг услышат, как далеко-далеко, на холме Йоргена, громыхнут три пушечных выстрела. Паломников охватит благоговейный трепет, и с пением псалма они ступят на святую землю Йоргенстада. Потом они радостно пройдут по святым улицам города и остановятся перед статуей святого Йоргена, постамент которой весь истерт благочестивыми поцелуями богомольцев. Потом они будут созерцать, как святейший капитул величественно шествует по улицам и площадям города, а толпы народа простираются перед ним ниц. Затем паломники направят свои стопы в рошу, где находится собор святого Йоргена. Они остановятся перед белыми ступенями, на которые никогда еще не ступал простой смертный... И вдруг услышат звуки труб, возвещающие о том, что семь первосвященников выносят из собора чудотворный плащ, и тысячи паломников падут в этот торжественный миг на колени. А на третий день праздника, когда семь первосвященников, облачившись в рубище, скорбно идут к источнику иод звуки траурной музыки с таким сокрушенным видом, что... Нет, нет, и еще раз нет! Эти деньги не пропали зря! Вы должны, вы обязаны прийти на праздник святого Йоргена и коснуться чудотворного плаща, если в вас осталась хоть капля уважения к самому себе.

И вот наступает долгожданный день, когда вы берете свой дорожный посох и присоединяетесь к толпе, которая непрерывным потоком движется по дороге; тысячгласный хор поет псалом паломников:

Эй, паломник, живо в путь,
только кружку не забудь.
Ты шагай и в дождь и в град
прямо в славный Йоргенстад!

И всяк, кто попадал в эту славную компанию паломников, чувствовал себя на редкость приятно, хорошо и уютно. У всех была одна общая и весьма характерная примета: согбенная спина и испуганные, доверчивые и радостные глаза, на которых не просыхали слезы. И можете не беспокоиться: здесь вас не оскорбит чья-либо вызывающе прямая осанка или дерзкий, вызывающий взгляд. Ноги паломников грациозно согнуты и искривлены в коленях, а при малейшем шорохе они все сразу вздрагивают и испуганно поворачивают головы в одну сторону, стараясь при этом теснее прижаться друг к другу.

Там, где Курфюрстова дорога поворачивает на восток, разрезая пополам маленький городок Нокебю, старые, умудренные опытом паломники начинают проявлять беспокойство: они поглядывают по сторонам и громко выкликают Тобиаса: «Тобиас! Где Тобиас? Не видел ли кто Тобиаса? Пойдет ли Тобиас с нами и в этом году? Жив ли он еще?»

«Ну конечно, жив!» — кричит в ответ согбенный седобородый старик, высовываясь из окна своей хижины. Это самая ветхая лачуга во всей деревне. Возле крыльца проходит сточная канава, перед дверью возвышается целая гора высушенного ветром навоза, но зато само небо сияет в радостных голубых глазах Тобиаса.

Он набрасывает на плечи свои лохмотья, берет посох, снимает с полки кружку Йоргена и обтирает ее рукавом. Пока что кружка пуста, но Тобиас не унывает: добрые друзья всегда наполняют его кружку по дороге в Йоргенстад.

Тобиас — знаменитый паломник. Дома никто из соседей не даст ему и полушки, ибо своих денег он уже не увидит. Во всей округе не сыскать человека, которому бы Тобиас не был должен... Но вот к Нокеблю приближается шествие паломников, и для Тобиаса наступает минута торжества. Ведь он их духовный вождь и всеобщий любимец. Это и понятно: Тобиас знает имена всех семерых первосвященников, знает все евангелие Йоргена от корки до корки, знает все псалмы Йоргена и весь йоргеновский ритуал. Сорок семь раз он был на празднике святого Йоргена, и плохо придется паломникам в тот год, когда старый Тобиас не пойдет с ними в Йоргенстад. Все знали, что он умеет и любит поговорить, и охотно платили за него, так что самому Тобиасу паломничество не стоило ни гроша. Харчи у него были даровые — из котомок доброхотных даятелей; в Йоргенстаде он получал стол и кров у своего старого друга и родственника Коркиса, угрю-

мого церковного сторожа, который жил с дочерью Урсудой в переулке Роз. А потом Тобиас, загорелый, бодрый и веселый, возвращался к своей старухе и приносил с собой уйму новостей...

Одним словом, старый Тобиас просто не мог не пойти в Йоргенстад на праздник! Да и что ему мешало? Дети? У него нет детей. Вернее, теперь нет. А когда-то у него было двое шустрых мальчуганов, может быть, слишком шустрых... И обоих прибрал господь. Одного повесили, другого сожгли. Дочери его тоже плохо кончили... Впрочем, стоит ли теперь об этом вспоминать... Дело прошлое... А жена? Ее замучила подагра; она, бедняжка, лежит в углу на соломе и охает. Что ж, полежать ведь тоже неплохо, а чтобы не было скучно, пусть себе воюет с поросятами и крысами. «Правильно, мать, не давай им спуску! — весело кричит Тобиас. И добавляет вполголоса: — Ведь не сожрут же они ее до моего возвращения». Тобиас открывает дверь, обходит кучу навоза и присоединяется к паломникам.

«Молодчина старик!» — восхищаются паломники, окружая Тобиаса. А дорога идет все дальше и дальше, через горы и леса, мрачные и дремучие, и так до самого Йоргенстада. Леса эти называются разбойничьими, ведь в старину они так и кишели разбойниками, теми самыми разбойниками, с которыми мужественно боролся Йорген. Вдали виднеются глубокие овраги и темные пещеры, которые напоминают прохожему о грабителях и убийцах.

Когда Тобиас присоединился к паломникам, они как раз говорили о разбойниках, вернее, о двух разбойниках: одного из них они называли «Коронным вором», а другого — «Поджигателем». Увидев Тобиаса, все заговорили о нем, — только и слышно было, что Тобиас, Тобиас, Тобиас, но изредка вспоминали и Коронного вора.

— Нашли о ком вспоминать,— презрительно бросает Тобиас.

— Но ведь совсем недавно его видели в наших краях, и, кто знает, вдруг он бродит сейчас где-нибудь неподалеку...

— А, плевать я хотел на вашего Коронного вора,— обиженно заявляет Тобиас.— Он побоится даже близко подойти к Йоргенстаду. Уж если его поймают, так тут же разорвут на куски.

— А говорят, что...

— Да враки это,— возмущается Тобиас.— Забудьте о нем, и все тут. Не стоит даже имени его произносить, слишком много чести для этого мошенника. Разве мы не наломники? Не паломники самого святого Йоргена? Разве Йорген не с нами? Он живо разделается с любым воришкой или разбойником.

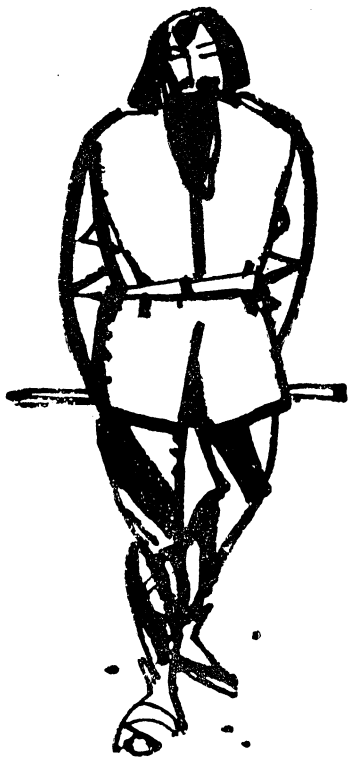
И старый Тобиас затягивает псалом:

Коль ты Йоргена признаешь,
бед и страха не узнаешь.
Коль его не позабудешь,
от воров избавлен будешь.

Все ему подпевают, и скоро паломники чувствуют себя в полной безопасности.

Да, хорошо иметь такого спутника, как Тобиас, если идешь через лес, где, может быть, за каждым деревом прячется разбойник.

Вот и сейчас из густого кустарника вдруг вынырнули двое неизвестных. Нет, на разбойников они совсем не похожи, вид у них вполне благопристойный, оба с длинными бородами, как все добропорядочные паломники. Один из них — высокий малый с окладистой темной бородой и грустным лицом, простодушным и скромным; такие лица всегда внушают доверие. Только он глухой, бедняга.

Лицо его товарища, чем-то схожее с бульдожьей мордой, сначала производило довольно жуткое впечатление: оно было сплошь изрезано глубокими шрамами, но несчастный еле ковылял, опираясь на костыли, и это сразу расположило к нему паломников... И все-таки не слишком приятно каждую минуту ждать, что из лесного сумрака вдруг выскочат какие-нибудь лиходеи.

Не успели паломники толком разглядеть глухого и хромого, как перед их взорами предстало нечто гораздо более интересное.

Лес расступился, и вдали, высоко над темными холмами, на вершине горы Йоргена, показался озаренный солнцем Йоргенстад. Белокаменный, он возвышался над дремучими лесами, словно Иерусалим, некогда воссиявший над грешной землей.

Паломники шли с запада по Курфюрстовой дороге, и гора Йоргена лежала

перед ними как на ладони, позолоченная последними лучами заходящего солнца. У самой вершины были видны дворец гротсемейстера собора и пирамидальный тополь портного Курстена; чуть левее стояла виселица. Ниже, по склону горы, извивались переулок Первосвященников и переулок Роз, где жили друзья Тобиаса: церковный сторож, старый Коркис, и его дочь Урсула. На южном склоне горы раскинулись дворцы первосвященников и роща, над которой высился шпиль собора.

Во все глаза смотрели паломники на святую обитель Йоргена; затаив дыхание они слушали разъяснения старого Тобиаса, и их морщинистые лица сияли блаженством.

Правда, молодые люди и девушки были настроены не столь торжественно, как старики, но и они с любопытством смотрели на город.

Вообще среди паломников было довольно много молодежи, которая держалась особняком, образуя небольшие группы: отдельно парни и отдельно девушки.

А позабавиться у них еще будет время.

И тут нельзя не признать, что праздник святого Йоргена, великий и святой праздник всех паломников,

нередко превращался в самый большой праздник любви, какой только можно себе представить. Ночью, накануне великого торжества, большое кладбище на северном склоне горы можно было сравнить разве что с Содомом и Гоморрой.

— Эй, Клаудина, ты тоже собралась на праздник святого Йоргена? — кричит молодой крестьянин с телеги, запряженной клячей.

— Ты угадал, Клаус.

— А зачем ты едешь на праздник, Клаудина?

— Тебе-то что, Клаус?

— Мне, видишь ли, нужна подружка.

— А может быть, я тебе подойду?

— Конечно, подойдешь.

— Да ты-то мне не подойдешь.

— Хорошо, что вовремя сказала.

— Клаудина! — кричат ее родители, богатые и очень набожные крестьяне. — Ты что там разболталась с этим оборванцем? Вот и бери после этого молодых девушек на праздник святого Йоргена!

— Не дай бог! — подхватывает старый паломник. — Мало ли что может случиться!

Поднимается невообразимый шум. Ревут ослы, блеют овцы, кукарекают петухи. Это приписанные к собору крестьяне везут преподобным отцам всякую живность, сыр, ветчину, яйца и вообще все, что с них причитается в счет десятины и других податей, взимаемых во славу святого Йоргена. И вот среди этого шума и гама вдруг прогремели три святых пушечных выстрела, и тотчас же зазвонили все колокола в городе.

А в воздухе уже празднично звучал старый паломнический псалом:

Как сладок колокольный звон!
На праздник всех сзывает он!

Основная масса паломников двигалась мимо каменоломни, через гранитный мост и затем по переулку Первосвященников к собору. Однако многие поворачивали на север, проходили через предместье Тополиный колодез и поднимались на гору по лестнице Скорби, которую только недавно отстроили заново.

Уже у подножья горы их встречали мальчишки, торгующие иаломничьими плащами. «Плащи! Паломничьи плащи! — неслось со всех сторон. — Купите плащ. Желтый, белый, серый или коричневый».

— Добро пожаловать, дорогие гости, — сердечно приветствовали паломников старожилы Йоргенстада, собравшиеся около моста. — А не прячется ли среди вас Коронный вор? Если он проникнет в город, быть беде!

— Коронный вор! — возмутился старый Тобиас, оставив вперед свою белую как снег бороду. — Пусть бы он только сунулся к нам, уж мы бы задали ему перцу! Но он знает, что со старым Тобиасом из Нокебю шутки илохи!

И Тобиас в сорок восьмой раз перешел гранитный мост.

— Эй, осторожней, не свались в каменоломню! — кричит он глухому, который вместе со своим хромым другом повернул на север. — Эй! Э-э-эй! Да он же глух, бедняга, глух, как тетерев. И подумать только: я слышу, как рысь, а ведь на благовещенье мне уже, слава богу, стукнет семьдесят пять. Да, вот так. Недаром же я сорок семь раз прикасался к плащу святого Йоргена! — Помолчав, Тобиас добавляет: — Господи, уж не кузнец ли это из Самса?

Но Тобиас ошибся. Это и был Коронный вор. Пока колокола благовестили к празднику, он преспокойно вошел в славный город Йоргенстад.

Его настоящее имя было Микаэль Коркис, но в народе его прозвали Коронным вором.

Вместе с труппами бродячих актеров он ездил по городам и селам и даже прославился как великолепный исполнитель шекспировских ролей. Неизвестно, как сложилась бы его судьба, если бы он не попал в Парму. Там молодой комедиант стал любовником принцессы Пармской и, чтобы спасти ее от скандала, похитил коронные бриллианты, заложенные ею у брата.

Эта кража наделала много шума. Феноменальная ловкость и удивительная отвага юного Коркиса (ему пришлось прыгнуть со шпиля высокой башни, пробежать по остриям железной ограды, переплыть ров с нечистотами) привлекли к нему всеобщее внимание, и он получил прозвище Коронного вора. Но в то же время он был объявлен вне закона, и ему ничего больше не оставалось, как ступить на скользкий и опасный путь, путь преступлений. Благодаря некоторым особенностям своего характера и природным дарованиям, он очень преуспел на этом новом для себя поприще и совершил немало славных деяний, столь же безрассудных, сколь и незаконных. Вершиной всего явился неслыханный скандал, разразившийся на празднике святого Йоргена, о чем и повествуется в настоящей книге.

Микаэль Коркис родился в Йоргенстаде. Его мать, Урсула, была дочерью старого Коркиса, церковного сторожа, человека умного, но крайне робкого. От отца она унаследовала какую-то затаенную грусть и душевную чистоту, сочетавшуюся с редкой красотой. Однажды, будучи

еще совсем молодой девушкой, она присутствовала при выносе плаща из собора в священной роще. Пока верующие слушали длинную проповедь о житии святого Йоргена, главный капеллан, стоявший на паперти, приметил Урсулу в толпе паломников и целую минуту не спускал с нее своих горящих свиних глазок. Смущенная Урсула не знала, куда ей деваться от этого взгляда. Рядом с ней стояла женщина с торчащим вперед подбородком; звали ее Лотта Гвоздика. Она тоже заметила, как пристально капеллан смотрел на Урсулу.

— Ступай домой, дитя мое,— сказала она Урсуле,— сними пояс и жди.

Она была права: на третий день, вечером, когда Коркис с дочерью ужинали, на улице послышались тяжелые шаги, дверь распахнулась, и в комнату вошел сам главный капеллан в полном облачении, расшитом красными драконами. Коркис и Урсула пали на колени, как того требовал закон, и обоих объял ужас — они знали, что их ждет.

По мановению руки капеллана старый сторож, взяв шапку, покорно удалился. Он без устали ходил взад и вперед по переулку Роз, и глаза его были полны печали. Он говорил с Лоттой Гвоздикой о погоде, о гвоздиках и снова о погоде. А Лотта язвительно ухмылялась.

Потом он зашел к одноному токарю. Но и тот злобно ухмылялся. И снова Коркис бродил по переулку; но вот капеллан со своими двумя служками вышел на улицу, и теперь старый сторож мог наконец вернуться домой.

Урсула лежала на кровати, пылая от стыда, растерянная, измученная и потрясенная великой честью, которая выпала на ее долю.

Скоро она встала и снова принялась за работу. Но что-то в ней изменилось. Она как-то ушла в себя, замкнулась,

ибо ощущала в своем простонародном чреве благодный плод главного капеллана... Плод зрел, рос и наконец превратился в ребенка, которого Урсула произвела на свет в первые дни весны. Она нарекла сына Микаэлем в память об архангеле, том самом, что спустился с небес к бедной пряхе.

Микаэль вырос среди людей бедных, но честных. О своем происхождении он довольно рано узнал от сыновей токаря,— негодные мальчишки частенько дразнили его. Однако переулки, где ютилась беднота, так и кишели детьми господ первосвященников, и Микаэль совершенно напрасно принимал это слишком близко к сердцу.

Увы, он был лишен того унылого безразличия, которым уже давно прониклись другие обитатели жалких лагун. К сожалению, он унаследовал от старого Коркиса его кристально чистую душу, благородство характера и удивительное свойство ко всему относиться серьезно. Вот если бы добавить еще к этому смирение и покорность его бедного деда! Так нет же, вместо этого он унаследовал от своего высокородного отца крепкие белые зубы, неутолимую жажду жизни, сильное мускулистое тело, непреклонную решимость и гордое честолюбие.

С горечью смотрел он на почтенных господ первосвященников, и в его упрямой голове зарождались наивные и дерзко фантастические замыслы.

Однажды этот долговязый парень пробрался никем не замеченный во дворец главного капеллана, миновал несколько комнат и, войдя в его кабинет, сказал напрямик:

— Ты — мой отец!

За подобную наглость его наказали на площади плетью и выгнали из города.

— Я отомщу ему! — сказал Микаэль, прощаясь с родными.

— Не надо мстить, не надо мстить, — уговаривал его добрый старый Коркис, который любил мальчика, но боялся его упрямства и необузданного нрава. Сам он, человек кроткий и мягкий, всегда уступал...

Но в жилах мальчика текла буйная и горячая кровь. Он сверкнул зубами и сказал:

— Я отомщу! Я вернусь как герой... обязательно вернусь...

— Главное, будь добрым и честным мальчиком, — просила мать.

— Честным? — переспросил Микаэль, которого еще трясло после плетей. — Нет, надо быть сильным! Сильным! И берегитесь тогда, господа первосвященники! Берегитесь! — повторил он сквозь зубы, выходя из дома через задний двор. Потом он прокрался в соседский сад, оттуда перемахнул через забор — прямо в священную рощу, миновал собор и скоро очутился за городом. Он шел в Разбойничьи леса, темные и дремучие; в руках у него был только кулек с едой.

Сначала Микаэль попал в цирковую труппу, с которой изъездил много стран, был канатным плясуном и проделывал головокружительные сальто-мортале. Потом он присоединился к труппе бродячих актеров; природная восприимчивость, умение глубоко и тонко чувствовать, огромная духовная сила в сочетании с юношеской красотой — все это помогло ему вскоре стать одним из самых вдохновенных исполнителей шекспировских ролей. На сцене он вживался в свою роль и в свое будущее величие, а непомерная гордость духа никак не соответствовала его более чем скромному положению бродячего комедианта. Труппа ездила из одного города в другой,

давала представления при княжеских и королевских дворах и всюду имела большой успех. В Парме Коркису не повезло, и ему пришлось прервать свою столь удачно начатую артистическую карьеру. Впрочем, жизнь на сцене была для него лишь позолоченной нищетой, и не удивительно, что непрерывно растущая в нем злоба на весь мир и страстная мечта о грядущей мести вскоре сделали его лихим злодеем, ищущим опасностей и приключений.

«Когда изучаешь историю преступлений Микаэля Коркиса,— писал профессор А. П. Бриллеман фон Снуффендорф,— сразу бросается в глаза его удивительное презрение к жизни других людей и к смерти, грозящей ему самому. В сущности, он не был ни кровожадным, ни жестоким. Наоборот, есть немало данных, которые свидетельствуют о его большой доброте и даже готовности пойти на самопожертвование. Достаточно припомнить хотя бы тот случай, когда во время чумы, на рождество, он пришел на водяную мельницу в долине Роз; недаром впоследствии жители долины освободили его из тюрьмы и помогли ему выбраться из города. Зато не менее удивительна и та почти эlegantная легкость, с которой он отправлял на тот свет досаждавших ему людей, сосредоточенно и спокойно, как тушат свечу, сжав пальцами фитиль. На закон и религию он обращал не больше внимания, чем на тонкую паутину, внезапно преградившую ему дорогу. Однако самая дерзкая из его бесчисленных авантур — это, несомненно, его появление в Йоргенстаде на празднике святого Йоргена».

...Так пишет профессор Бриллеман.

В то время Коронному вору было уже тридцать шесть лет. Благодаря своему хладнокровию, презрению к смерти и неустрашимости, он убежал из тюрем с самыми толстыми и крепкими стенами, но кольцо преследователей сжималось вокруг него все теснее и теснее. Он метался по всей округе, словно лисица, за которой гонятся собаки. После того как Коркис убил курфюрстова зятя и собутельника графа Кровопийцу (его нашли мертвым, с ножом в животе, а изо рта торчала гусиная лапка), курфюрст устроил настоящую облаву на знаменитого разбойника; тому едва удалось ускользнуть от ландскнехтов и скрыться в дремучих лесах. В их непроходимой чаще трудно было изловить преступника, зато он сам мог умереть с голоду.

Однако курфюрст твердо решил, что на этот раз дичь от него не уйдет. Кстати сказать, другой знаменитый разбойник, Франц Поджигатель, которого незадолго перед тем курфюрст приказал разорвать на части дикими конями, тоже сбежал из тюрьмы, и оба злодея теперь наверняка скрывались в Разбойничьем лесу. Было решено обшарить весь лес. Девятьсот крепостных крестьян с цепями и косами шли с запада. С юга двигались ландскнехты самого курфюрста, вооруженные ружьями, копьями и сетями для ловли оленей. На востоке была пустошь, а на севере — море. Таким образом беглецов гнали в западню, где рано или поздно их все равно схватят, если только они сами не умрут с голоду.

А Микаэль Коркис лежал тем временем в лисьей норе в самой чаще леса и грелся на солнышке.

Лицо его заросло бородой, осунулось, одежда превратилась в грязные лохмотья.

Все ему опостылело. Ему было уже за тридцать, и годы тянулись мрачной и унылой чередой. Казалось,

жизнь была прожита напрасно, загублена навеки, впереди — ничего.

Микаэль грустно смотрел на свое красивое гибкое тело, ощупывал грязное лицо, обросшее длинной бородой. Ведь природа наделила его и силой, и умом, и незаурядным талантом. Он сознавал это. А какой ему от всего этого прок? Исполнились ли его честолюбивые помыслы? Как бы не так: пока что он лежит в грязной норе, как паршивая затравленная лиса.

Он влюбился в эту девчонку, принцессу Пармскую... Затеял высокую игру... и так низко пал... прямо в пропасть.

Со стороны дороги до него вдруг донеслись скрип колес, чьи-то голоса. А потом послышалось пение паломников:

Эй, паломник, живо в путь...

Коркис привстал. Ему пришла в голову блестящая мысль. Она словно молния сверкнула в голове. Ведь это паломники! А значит, благословенный Йоргенстад, город его детства, находится где-то совсем рядом! Очевидно, скоро будет праздник святого Йоргена. А что, если смешаться с толпой? Ведь этак, никем не замеченный, он сможет побывать в родном городе. Никакой курфюрст не сыщет его в той невероятной толчее, без которой не обходится ни один праздник знаменитого святого, а потом он выберется с толпой паломников из города и, может быть, ускользнет от курфюрста.

Но тут на него нахлынула тоска, и он снова лег на землю: в памяти вдруг ожили все мрачные и грустные картины его детства.

Дом в переулке Роз: молчаливая, всегда печальная мать, дед, маленький и словно какой-то неземной, такие же маленькие и словно неземные комнатки, маленький,

садик с кустами роз и высокой, в человеческий рост, фуксией.

За изгородью переулок Роз. Лотта Гвоздика с торчащим вперед подбородком, толстый одноногий токарь, его самодовольные лентяи-мальчишки... насмешки... фраза, сказанная всемогущему главному капеллану... плети на площади Капитула... Ужас матери и деда, ужас и ни капли злости, негодования, хотя бы обиды!.. Его уход, гордое обещание вернуться обратно сильным, могучим и отомстить... непременно отомстить!..

И вот он вернулся, нищий, всеми преследуемый, словно затравленный зверь.

Он мечтал о мести. Он поклялся вернуться в родной город не иначе как героем, чтобы все склонили перед ним головы... И что же... Через двадцать лет он тайком, под чужой личиной пробирается сюда, чтобы трусливо спасти свою шкуру. А потом поскорее улизнет из города, не зайдя даже к матери и деду, чтобы его, чего доброго, не повесили на йоргенстадской виселице.

Он пал духом, на него нашло какое-то странное состояние экстаза, очевидно унаследованное от деда: полная отрешенность от жизни, самозабвенное слияние с окружающей природой, со всей вселенной, бездумное оцепенение, своего рода смерть заживо, когда нет ни страха, ни желаний и только птичий писк, пусть самый слабый, или далекий шум колес отзываются в душе чудесной музыкой.

Вдруг он услышал, что где-то далеко-далеко звонят колокола. Колокола Йоргенстада! В тот же миг он вскочил на ноги, снова полный сил и неиссякаемой энергии; это тоже своего рода экстаз, вызванный одиночеством, но экстаз активный, зовущий к действию и борьбе: теперь

для него не существовало ничего, кроме цели, которую он перед собою поставил.

Да, он придет в Йоргенстад, и еще неизвестно, чья возьмет. Куда девалась его осмотрительность? Он поклялся, что будет сильным. И сейчас он сильнее и опаснее чем когда бы то ни было, ибо ему нечего терять и ничего не жаль: ни друга, ни надежды, ни мечты, ни самой жизни.

Кольцо врагов сомкнулось вокруг него, но прежде чем его схватят, он еще раз встретится со своим милым папашей, главным капелланом. Ах, какая это будет встреча! О ней долго будут помнить в Йоргенстаде. Прежде чем умереть, он отомстит за жгучую, грызущую, изнуряющую боль всей своей жизни.

Микаэль выпрямился и как-то сразу помолодел. Он позвал Франца, своего бывшего соседа по камере, а теперь друга и помощника. Франц, грубый и невежественный громила, обмывал в ручье лодыжки, израненные кандалами курфюрста.

Он был глуп как пень, но, в общем, добрый малый; больше всего на свете Франц боялся курфюрстов и прочих сильных мира сего. Бедняга дрожал за свою жалкую жизнь, и при одной мысли о «диких конях», которые разорвут его на части, был готов заползти в мышиную нору.

Зато он свято верил в светлую голову своего знаменитого друга и, чтобы не рисковать понапрасну, прикидывался калекой и ковылял на паре украденных костылей. Он взял костыли, вышел вслед за Коркисом из густого кустарника, и скоро они смешались с толпой паломников; в тот момент, когда на колокольне святой Катарины пробило семь и тут же зазвонили все городские колокола, Микаэль Коркис и Франц Поджигатель ступили на святую землю Йоргенстада.

Йоргенстад стоял на горе Йоргена, и со всех сторон его окружали мрачные холмы, заросшие дремучими лесами.

На самой вершине горы находилась площадь Йоргена, а посередине площади стояла бронзовая статуя самого святого, почерневшая и позеленевшая от дождей и грязи: молодой Йорген, смелый и прекрасный, в пастушеской одежде, в широкополой шляпе и с посохом в руках, смотрел вдаль, на юго-запад, где раскинулись Разбойничьи леса. В этих лесах укрывались разбойники, с которыми Йорген боролся не на живот, а на смерть.

На гранитном постаменте было высечено золотыми буквами:

СВЯТОЙ ЙОРГЕН

*друг простого люда, изгнанный из
города чванливой знатью в свою
брачную ночь.*

Вечная память тебе.

На обратной стороне постамента была надпись:

*Памятник воздвигнут во искупление
вины нашей*

СВЯТЫМ КАПИТУЛОМ
ЙОРГЕНА.

От площади Йоргена вели вниз четыре дороги. Северный склон казался довольно пустынным, здесь почти не было домов. Лишь лестница Скорби спускалась по откосу к Брачному пруду, расположенному у подножья горы в предместье Тополиный колодец. По преданию, бедный Йорген, окровавленный и нагой, бежал здесь в свою брач-

ную ночь, спасаясь от разбойников. На северном склоне растут красные цветы, которые до сих пор называются «Йоргенова кровь».

Если идти на восток по Разбойничьему переулку, то вы попадете в новый район города, где находится множество постоянных дворов, погребков и трактиров: «Кабачок капитула», погребки «Праведный паломник», «Добрый паломник» и «Развеселый паломник», «Курфюрстово подворье», «Новое курфюрстово подворье», «Трактир первосвященников», «Дом паломниц святого Йоргена», трактир «Заходи, старина!» и многие другие.

Этот восточный район, хоть и возник позже других, быстро превращался в экономический центр города. Святым отцам из собора Йоргена принадлежало здесь немало трактиров и погребков, которые приносили им изрядный доход. Тем не менее восточный район пользовался неважной репутацией. Люди знатные и богатые здесь ни за что не поселились бы, процессии и праздничные шествия никогда не проходили через эту часть города, а человек из хорошей семьи, будь то мужчина или женщина, просто не рискнул бы появиться (но крайней мере днем) в Разбойничьем переулке или в одном из его туников.

На южном солнечном склоне расположился аристократический квартал с роскошными дворцами первосвященников, обрамляющими великолепную Брачную аллею. Аллея эта начинается на площади, где высится старинный мрачный дворец великого гротсмейстера, и ведет к собору Йоргена, что стоит посреди священной роши. Западнее роши находится площадь Капитула, на которой высится позорный столб. Еще дальше на запад идет переулок Капитула; он соединяется с переулком Роз, а там уж начинаются сады.

И наконец, на западном склоне приютился настоящий старый Йоргенстад с извилистыми переулками и мрачными, зловещими закоулками. От площади Йоргена спускается зигзагами переулок Первосвященников. Он проходит вдоль стены, скрывающей от посторонних глаз сад гроссмейстера, мимо источника святого Йоргена и возле каменоломни соединяется с Курфюрстовой дорогой, которая делает несколько поворотов и исчезает между горами. Переулок Роз пересекает переулок Первосвященников, поворачивает на юг, соединяется с переулком Капитула как раз напротив дворца главного секретаря, проходит мимо площади Капитула и заканчивается возле собора. Дворец секретаря, так называемая «башня», был одним из самых старинных и красивых зданий в городе.

На северо-западном склоне между источником и лестницей Скорби возвышается Виселичный холм. От виселицы к площади Йоргена ведет узкая тропинка, так называемая «Тропа обреченных».

Предание о Йоргене гласит, что триста лет назад шайки разбойников непрерывно грабили город и его окрестности. Бедняки все больше нищали, а люди знатные, как это ни странно, все богатели и богатели. Они построили себе великолепные дворцы, которые буквально ломились от награбленного добра и драгоценностей.

И тогда благочестивый Йорген стал заступником простого люда. Он обнаружил, что городская знать вступила в тайные сношения с разбойниками, которые грабили народ. Почти все, что они отбирали у бедняков днем, ночью свозилось в подвалы и кладовые богачей. Йорген поднял голос в защиту простого народа; на улицах и площадях он гневно разоблачал вероломство знати и богачей.

Взбешенные богачи устроили заговор против Йоргена. Когда Йорген справлял свадьбу, они дождались ночи и окружили его дом, размахивая мечами и факелами. Однако молодой Йорген спрыгнул с брачной постели и вырвался из рук врагов. Нагой и окровавленный, он бежал вниз по северному склону горы, где теперь находится лестница Скорби, и исчез меж лачуг предместья Тополиный колодец. С тех пор его никто никогда не видел.

Разъяренные богачи нашли лишь окровавленный жилет Йоргена и повесили его на позорный столб, который и по сей день стоит на площади Капитула.

Но послушайте, что было потом! Наутро, когда взошло солнце, свершилось великое чудо: жилет исчез, а на его месте оказался дорогой, вышитый шелком свадебный плащ, весь забрызганный кровью.

И словно чья-то карающая десница вдруг опустилась на высокомерную знать и богачей; они покрылись язвами, стали тяжело болеть, а их маленькие дети умирали, исходя криком. Напрасно богачи призывали лекарей и знахарок: ничто не помогало.

И лишь тогда знатные господа поняли, какой страшный грех они содеяли. В роще, неподалеку от позорного столба, они воздвигли в честь святого Йоргена красивый собор и повесили в нем святой плащ. В соборе они устроили брачный покой и препроводили туда с великими почестями невесту Йоргена, дабы она ожидала там своего жениха. Потом были избраны семь знатнейших мужей города, которые образовали так называемый соборный капитул: они получили строгий наказ хранить плащ до того самого дня, когда святой изволит вернуться в свой родной город. И что же! Язвы исчезли, болезней как не бывало, и с той поры словно чья-то невидимая рука оберегает город от всяких напастей.

Святой Йорген так и не вернулся домой, однако его невеста жила в соборе до самой смерти, и когда она испустила дух, самая прекрасная и благородная девица города стала невестой Йоргена и поселилась в соборе, ожидая возвращения своего жениха... Так продолжается и по сей день.

Каждый год в день Йоргена святой, запятнанный кровью плащ выносится из собора для всеобщего обозрения. Об этом даже поется в песне:

Плащ лечит бедных и убогих
и от парши, и от чесотки,
от ран, порезов неглубоких,
от дряхлости и от сухотки.

Триста лет прошло с тех пор, как Йорген бежал из города. За эти триста лет Йоргенстад превратился в один из самых знаменитых центров паломничества. Круглый год тысячи богомольцев стекаются сюда, чтобы поклониться святым местам, однако самая великая толчея здесь бывает в тот день, когда из собора выносят плащ. Пять курфюрстов и два кардинала со свитою оказали празднику честь своим присутствием, о чем свидетельствуют мемориальные доски, укрепленные на стенах постоянных дворов, где останавливались высокие гости. И да живет в веках имя старого епископа Домпапа, седовласого скальда Йоргенстада, который посетил праздник на восемьдесят девятом году жизни, а через полтора года скончался от трясушки!

Итак, на праздник святого Йоргена всегда собирались несметные толпы народу; однако в те годы, когда предстояло назначение новой соборной невесты, здесь творилось нечто совсем невообразимое.

В праздник, о котором идет речь в настоящей книге, и должно было произойти это знаменательное событие.

Высокое положение невесты святого Йоргена давало ей многие преимущества: брачные покои в соборе, постоянное место в церкви, золоченую карету и весь доход от поместья, расположенного к югу от Милицейской дороги. Когда невеста Йоргена ехала куда-нибудь в золоченой соборной карете, все вокруг замирало, а крестьяне и горожане соскакивали с повозок и почтительно стояли, пока ее святейшество проезжало мимо. Назначению новой невесты предшествовали яростные стычки между знатнейшими семьями города. И не удивительно! Ведь у невесты Йоргена была лишь одна обязанность: жить в соборе и хранить целомудрие до самой смерти. Но не всем это удавалось. Как гласит история, у благородной Аннатомины фон Кориснитайн был найден в спальне кавалер. Обоих примерно наказали: легкомысленную Аннатомину и ее кавалера зашили в мешок и бросили в ров, который с той поры называют «Брачный пруд».

В дальнейшем подобные происшествия не повторялись, ибо невесту все чаще выбирали из числа умудренных годами старых дев, принадлежащих к самым аристократическим семьям.

Высокородные претендентки на руку и сердце святого Йоргена вели между собой ожесточенную, хотя и неприметную для постороннего глаза борьбу. Как следует из записей, хранящихся в городском архиве, две благородные старые девы — Марта фон Скрэп и Мэтта Эддерворм испустили дух в один и тот же день, послав друг другу

в знак дружбы отравленные вишни и другие маленькие знаки внимания.

Но как бы ни были сами по себе прискорбны эти факты, они ни в коей мере не умаляли славы и значения Йоргеновских торжеств; пожалуй, даже наоборот, они придавали этим торжествам особый блеск, наполнявший радостью сердца как верующих, так и неверующих. В те времена, о которых повествуется в настоящей книге (семнадцатый год правления курфюрста Иоганна Жирного), Йоргенстад достиг вершины своей славы. В нем насчитывалось четыре церкви, двадцать три постоянных двора, семь публичных домов, четырнадцать гончарных мастерских, тридцать семь портновских мастерских, одна виселица и два кладбища, старое и новое, причем старое почему-то называлось «Девичий рай».

Однако с некоторых пор над городом нависла новая страшная опасность: сомнение, свободомыслие, скептицизм! А ведь для города, который живет только верою, нет ничего опаснее сомнения.

И эти роковые симптомы появились не среди паломников, крестьян или горожан, а среди задающей тон золотой молодежи, знатной, богатой и праздной.

Образовался небольшой кружок, члены которого собирались по вечерам в «башне», роскошном дворце главного секретаря на углу переулка Роз и переулка Первосвященников, старейшем и красивейшем здании города. И душой этого кружка была дочь самого грессмейстера, юная, гордая и прекрасная Олеандра.

Вечером, когда все добропорядочные горожане уже лежали в постелях, натянув перины до самого носа, и молились святому Йоргену, благочестивую тишину города вдруг нарушали смех и звон бокалов, доносящиеся из «башни». Случайные прохожие нередко часами стояли

возле «башни», слушая, как юные кавалеры и их дамы изошряются в острогах, издеваясь над паломниками, плащом Йоргена, невестой Йоргена и даже над самим святым Йоргеном.

Все это вызывало досаду и негодование многих почтенных горожан, и лишь из уважения к господам первосвященникам они старались не обращать внимания на проделки высокородных недорослей. И тем не менее за несколько дней до праздника святого Йоргена разразился скандал, который переполнил чашу их терпения.

Около полуночи вся честная компания провожала домой гордую Олеандру и ее сестру — веселую хохотушку Розу. Вскоре они подошли к гроссмейстерскому дворцу, стоящему на площади против статуи Йоргена. От выпитого все пришли в радостно-приподнятое настроение, а выпито было немало... Так вот, стоя на каменном крыльце отчего дома, юная Олеандра обратилась к достопочтенной статуе с речью, в которой святого Йоргена называла ста-

рым чучелом, а паломников — идиотами. Затем благородные юноши и девы взялись за руки и, передразнивая кривоногих и увечных богомольцев, повели вокруг статуи хоровод. При этом они громко распевали старинный псалом:

Скажи, о Йорген, нас любя,
что стало б с нами без тебя!

— Смотрите, проповедник идет,— шепнула Роза.— Он как раз вовремя.

— Это исторический миг,— сказала Тимофилла и раешмялась.

Ночные сторожа, разумеется, не стали связываться со знатными шалопаями и презрительно ухмылялись, глядя на эту сцену. А развеселые молодые люди успокоились лишь после того, как пропели все двадцать пять куплетов псалма и отпустили положенное число острот насчет Йоргена и его будущей невесты (выбор у Йоргена был

невелик: дочь казначея, хромя сорокавосемилетняя Аврелия, и дочь хранителя плаща, пятидесятитрехлетняя Лобелия, у которой осталось только два зуба). Олеандра и Роза легли спать, а остальные кавалеры и девицы отправились по домам, в свои роскошные дворцы.

ОЛЕАНДРА

Слухи об этой чудовишной ночной оргии повергли всех истинно верующих в ужас. «Дочь самого грессмейстера! — шептали на улицах и площадях. — Да еще накануне святого праздника! Дочь самого грессмейстера! Видно, недолго нам осталось ждать: скоро вернется Йорген!»

Но хуже всего то, что возмутился весь деловой мир. Еще бы! От подобных скандалов могла пострадать репутация города и всего праздника. Нужно было срочно принять какие-то меры. И тогда горожане направили к грессмейстеру депутацию, которая изложила ему все обстоятельства дела.

Дрожа от гнева, он вошел в комнату дочери. Гордая Олеандра лежала на диване и полировала ногти.

— Олеандра, дочь моя! Ты вольнодумствуешь?

— Что такое, папа? — спросила Олеандра, поднимая на него глаза.

— Встань, когда я с тобой разговариваю! Ты называла паломников идиотами?

— Господи, разве это не так?

Грессмейстер не стал возражать.

— Ты называла святого Йоргена, покровителя нашего города, чучелом?

— Да, и не раз!

— Ты называла плащ святого Йоргена старым халатом?

— Называла!

— А святое евангелие от Йоргена чепухой сначала и до конца?

— Ну конечно, папочка! Да ты сам посуди: разве может простой жилет ни с того ни с сего превратиться в дорогой плащ? И как вы можете болтать подобную ерунду?

— Речь идет не о простом жилете, а о жилете святого Йоргена, который чудесным образом, с божьего соизволения, превратился в плащ — не сегодня или вчера, а триста лет назад.

— По-моему, это не меняет дела, — возразила молодая особа. — Жилет есть жилет, и купили его у обычного портного здесь же в городе. На нем шесть костяных пуговиц, верно?

— Возможно, — согласился гроссмейстер, опасаясь какого-нибудь подвоха. Он не привык философствовать на подобные темы и не знал, куда клонит его дочь.

— Итак, жилет превратился в шелковый плащ с семнадцатью серебряными пуговицами? — продолжала Олеандра.

— Превратился.

— Прекрасно, папа. И я даже могу, пожалуй, согласиться, что сукно превратилось в шелк, а костяные пуговицы вдруг изменили цвет и стали серебряными. Допустим и это.

— Тогда в чем же ты нас обвиняешь? — спросил гроссмейстер, сердито глядя на дочь.

— Ни в чем. Просто я не могу понять, как могли *шесть* костяных пуговиц превратиться в *семнадцать* серебряных? Каким образом *шесть* превратилось в *семнадцать*? Ерунда!

Гроссмейстер почувствовал, что его кладут на обе лопатки, и быстро настроил себя на более торжественный лад.

— Хвала господу, что твоя благочестивая мать, царствие ей небесное, не слышит таких речей! — пробормотал он, молитвенно складывая руки.

Но Олеандра не сдавалась. Ее глаза сверкали, грудь высоко вздымалась от волнения.

— Вот объясни мне: у жилетки нет вешалки. Ведь нет? — спросила она.

— Нет, — согласился гроссмейстер, немного подумав. Он боялся новой ловушки.

— Так, — продолжала Олеандра свою мысль. — В евангелии от Йоргена, глава восьмая, стих одиннадцатый, ясно сказано: «И взяли они его истрепанный жилет и повесили его за пройму на позорный столб на поругание». Все ясно?

— Что ж тут неясного?

— А вот в главе девятой, стихи двадцать третий и двадцать четвертый, говорится буквально следующее: «И нашли они и т. д. и т. п. ... роскошный вышитый плащ, повешенный на столбе за вешалку». Так объясни же мне! Жилет превратился в плащ. Жилет повесили за пройму, плащ — за вешалку. Значит, одна пройма превратилась в вешалку. Может, ее пришили сбоку? А куда девалась другая пройма?

Гроссмейстер безмолвствовал, взирая на дочь.

Как самый хороший ключ подходит лишь к своему замку, так и самый светлый ум понимает лишь свое поколение.

Гроссмейстер был не менее умен, чем Олеандра, однако он принадлежал к старшему поколению, которое не привыкло задумываться над такими мелочами, как плащи

и вешалки. И что ей дался этот Йорген? Куда она клонит? Что за ребячество, даже слушать тошно!

— Вот, значит, какие вопросы вы обсуждаете у секретаря? Красиво, нечего сказать!

— Что ж,— возразила Олеандра,— секретарь умница и светлая голова. Но ты еще не ответил на мой вопрос. Гроссмейстер слегка поморщился:

— Я не намерен объяснять тебе чудеса!

— Еще бы! — гордо заявила Олеандра.— В нашем роду, слава богу, не было идиотов. Но почему же в таком случае ты запрещаешь мне мыслить? Разве не сказано в евангелии от Йоргена, глава третья, стих двадцать девятый: «Поразмыслите о сем»? И как вам не стыдно проповедовать всю эту чушь о человеке, который умер триста лет назад, да еще убеждать людей в том, что он вернется!

— Никого мы не убеждаем!

— Нет, убеждаете! А для чего же тогда нужна соборная невеста? Для того, чтобы всю жизнь ждать Йоргена, который умер триста лет назад! Нечего сказать, забавная история! Ведь даже ребенку ясно, что вы сами в это не верите!

— Что это значит?

— А то, что, если бы вы хоть па йоту верили в возвращение Йоргена, у него были бы молодые, красивые невесты, достойные настоящего святого. Вы же подсовываете ему старых каракатиц, вроде сорокавосемилетней Аврелии или пятидесятитрехлетней Лобелии. Одна хромая, другая беззубая! Вы представляете, что сказал бы святой Йорген, если бы он вернулся, сунул нос в брачный покой и вдруг увидел там этакую старую перечницу, играющую с котом и канарейкой! Но это отличная реклама для всего вашего святого предприятия, а на остальное вам наплевать,

На сей раз гроссмейстер был сражен. Он не мог отказать дочери в известной проницательности и смотрел на нее с возрастающим изумлением. «Вот в чем дело! — думал он. — Оказывается, она сама не прочь стать соборной невестой! Не потому ли она так рассердилась на нас?» В голове гроссмейстера тут же созрели новые честолюбивые планы, сердце преисполнилось гордости, и он с глубоким интересом посмотрел на свою умную честолюбивую дочь.

По Олеандра разочаровала его. Она вдруг заявила:

— И в плащ вы не верите.

— Что ты сказала? — взревел он.

— То, что слышишь. Когда ты болел зимой, то собрал вокруг себя врачей и знахарок чуть не со всего света. А ведь куда было проще сходить в собор и прикоснуться к плащу святого Йоргена. Но ты прекрасно знаешь, что в нем не больше целебной силы, чем в твоём ночном горшке! А тебя не удивляет, что именно у хранителя плаща все явные и тайные болезни, какие только можно себе представить: нарывы, хрипота, воспаление печени, одышка, ожирение сердца, подагра, хромота, ломота в суставах, глисты, отрыжка и черт его знает что еще! А кроме того: какой плащ за триста лет не проест моль? И потому у вас в соборе всегда есть запасный плащ на случай, если старый вдруг расплзется.

Гроссмейстер подскочил чуть не до потолка и, побледнев как мел, украдкой посмотрел на двери и окна.

— Это ложь! — прогремел он.

— Это правда! — ответила дочь.

— Кто тебе сказал? — прошептал он.

— Секретарь.

— Он этого не говорил.

— Говорил.

— Я это дело расследую,— сердито сказал гроссмейстер,— и, если он действительно проболтался, придется заткнуть ему рот.

— Заткнуть рот! — воскликнула Олеандра.— У вас у всех заткнуты рты. Вы только разглагольствуете о плащах, в которые не верите! Да о невестах, которых сам дьявол испугается, не то что святой! Чуть что, вы угрожаете друг другу заткнуть рот да заодно водите за нос бедных паломников, начинаете их дурацкими рассказами о святом Йоргене, в которые никто из вас самих не верит.

- Ложь! Некоторые верят.
- Назови хоть одного!
- Хранитель священного сада!
- Он же болван,— спокойно возразила Олеандра.
- И казначей.

— У него жена — истеричка. Она говорит, что он *должен* верить. А вы все отлично знаете, что это вздор с начала и до конца. Никакого святого Йоргена никогда не было. Его плащ сшили в соборе или бог знает где. Его евангелие состряпали хитроумные первосвященники и книгопечатники. Ваш собор — это просто крупное финансовое предприятие, праздник святого Йоргена — чистая спекуляция, если только слово «чистая» уместно употреблять в таком сочетании, а «шествие невесты» — обыкновенный маскарад. Вы забиваете друг другу голову старыми баснями о Йоргене и начинаете нас Йорженом, Йорженом и только Йорженом с самой колыбели, пока мы не уверуем, что вся эта чулуха полна сокровенного смысла и говорить об этом можно лишь шепотом, возведя очи горе. И даже самые умные люди не решаются поднять вас на смех, потому что всосали все это с молоком матери. Если хочешь чего-нибудь добиться в жизни, лицемерь и, чуть что, поминай Йоргена! Какой бы гнусной ни была задуманная тобой афера, все сойдет во имя святого Йоргена. Хороши, нечего сказать!..

Гроссмейстер вышел из комнаты, но вскоре опять вернулся.

— Дочь моя,— сказал он,— ты еще молода. У меня в юности тоже были сомнения, да и теперь я с тобой во многом согласен.

— Как же ты можешь проповедовать то, во что сам не веришь?

— Дитя мое, когда я вижу множество устремленных на меня доверчивых глаз, для которых все это — святая истина, я сам чувствую, что это не может быть сплошным обманом.

— Но ты же знаешь, что это обман!

— А для них это истина, дитя мое, для всех этих бьющихся верой сердец — истина. Их радует мысль о том, что у города есть святой покровитель, который когда-нибудь вернется.

— Но ведь это же вздор!

— И тем не менее людям не обойтись без веры в сверхъестественную силу, которая всегда может оказать им свое святое покровительство.

— А я обойдусь, — воскликнула Олеандра с жаром, — и вы тоже обойдетесь не хуже меня. Все это одно при творство, красивые слова. Ведь самое главное — это сознавать, что я — человек, что солнце утром восходит, а вечером заходит, что сердце бьется в моей груди и меня окружают люди, которых я люблю и которые меня любят. А до всяких суеверий мне нет никакого дела.

— Тебе нет никакого дела, дочь моя, то же самое я могу сказать и о себе, и о многих других людях нашего круга. Но подумай о людях простых и необразованных! Им этого мало. Им нужна вера: без веры они несчастны.

— Да вы сами внушили этим простакам, что им нужна вера. Так же как мы иногда смеха ради внушаем тетушке Размазне, что она смертельно больна; у нее тотчас же начинается головокружение, она ложится в постель и принимает капли. То же самое вы проделываете и с паломниками. Изо дня в день вы твердите им, что они — жалкие грешники и к тому ж еще отпетые негодяи и если бы не

святой Йорген — их ожидала бы неминуемая гибель... И вот каждый год эти бедняги тащатся в Йоргенстад, ноют и поют:

Скажи, о Йорген, нас любя,
что стало б с нами без тебя!

А вы глядите на них из окон да усмехаетесь себе в бороду: «Слава богу, урожайный нынче год на паломников».

Гроссмейстер ответил раздраженно:

— Отлично, дитя мое. Ты хочешь переделать мир заново. По-твоему, наш город — это разбойничье логово, где дурачат и грабят простой народ?

— Именно так, — согласилась Олеандра.

— Очень хорошо. Через две недели придут паломники. Выйди же им навстречу и скажи: «Простите, дорогие паломники, но вам лучше разойтись по домам. Как нам стало известно, все это — гнусная ложь. В евангелии от Йоргена нет ничего, кроме старых побасенок, которые, кстати, мы же сами и сочинили. И плащ мы сами сшили, и вообще все это очень просто и понятно, непонятны только ваши простодушие и наивность»... Что, по-твоему, они тебе ответят? Разорвут тебя на части или прогонят домой, решив, что ты сумасшедшая. И уж наверняка не поверят ни одному твоему слову!

Олеандра пристально смотрела на отца. Об этом она никогда не думала.

— Но допустим, что они поверили тебе и сказали: «Ну жели? Какая досада! Ну, ничего не поделаешь, пошли домой!» Что после этого станет с нашим городом? Ведь все его благосостояние зиждется на праздниках святого Йоргена, все его обитатели от чердака до подвала живут за счет паломников! Закроются лавки. Портные, которые шьют плащи, останутся без работы! Гончары вы-

бросят на улицу тысячи кружек Йоргена, они все равно больше никому не понадобятся. А гостиницы, постоялые дворы, кабачки и книжные лавки, где торгуют евангелиями и молитвенниками?.. Разоренье и нищета — вот чем это обернется! Весь город пойдет по миру! Ведь всех нас, да и тебя тоже, кормят приписанные к собору крестьяне! И неужели ты думаешь, что они будут по-прежнему исправно платить нам за подобный обман? Теперь тебе ясно, что каждый кусок, проглоченный тобой, тоже добыт «обманом», как ты это называешь? Поняла? Или, по твоему, очень остроумно плевать в колодезь, из которого пьешь? Ну, отвечай!

Но Олеандре нечего было ответить. Она почувствовала себя маленькой девочкой, вдруг попавшей в большой и сложный мир.

Вечером ей подали ужин в постель.

На другое утро гроссмейстер снова пришел к дочери.

— Дитя мое, тебе, конечно, известно, что ты самая умная, самая красивая и самая знатная девица в городе. Однако ты до сих пор еще никак не пристроена. Не пора ли подумать о муже?

— Обойдусь без мужа.

— Ты могла бы выйти замуж за кого только пожелаешь.

— Например?

— Выбирай кого хочешь.

— Разве есть из кого выбирать? — Олеандра безнадежно посмотрела в окно.

— Да, выбор, к сожалению, невелик: либо Герман, сын секретаря, либо Давус, сын преподобного хранителя сада.

— Давус!!!

— Или Герман.

— Герман!!!

— Да, или Давус... а кто же еще?

— Больше никого,— согласилась Олеандра и тяжело вздохнула.

— Вот уже три года они ухаживают за тобой. Ты же не слепая. Так выбирай! Да поспеши!

Олеандра сложила руки и подперла ими щеку.

— Оба они мне надоели,— сказала она устало.

— А где взять лучших женихов, моя девочка? — уныло спросил гроссмейстер.

Олеандра смотрела на далекие горы. По небу летел белый лебедь; он казался очень одиноким, но перед ним был весь мир. А она должна жить в этой гнусной дыре и завидовать беззубым и хромым старухам — невестам Йоргена... или, что еще хуже, жить... с Германом... или с Давусом!!!

Ее пылкое сердце вдруг словно покрылось железной броней.

— Я не выйду замуж,— сказала она твердо и спокойно.

Гроссмейстер одобрительно кивнул головой. Теперь он знал, что делать дальше.

Он наклонился к дочери. Его серые глаза смотрели в ее серые глаза, словно в зеркало.

— Олеандра,— начал он спокойно,— раз ты не хочешь выходить замуж, перед тобой открываются широкие горизонты, Ты говорила, что невесты Йоргена никуда не

годятся. И ты права. А почему бы тебе не стать ею? Я думаю, тебе это удалось бы. С моей помощью, разумеется. Будь соборной невестой!

Сердце Олеандры чуть не выскочило из груди. Ну конечно, у нее получится, да еще как! Олеандра уже представляла себе, как, гордая и прекрасная, она едет в золоченой соборной карете и ее приветствует многотысячная толпа!.. Покончено с Германом! Покончено с Давусом! Уф! А вместе с тем, какой смелый шаг! Теперь все пойдет по-иному. А какой страшный удар по злобной клике заносчивых старых дев! Посмотрим, какие они скорчат рожи: Аврелия!.. и Лобелия!..

Олеандра испытующе смотрела в испытующие глаза отца. Она ничего не ответила, но оба чувствовали, что они заодно.

— А что скажет главный капеллан? — спросила Олеандра.

— Он не хочет, чтобы казначей захватил соборный луг возле его клеверного поля. Что же касается хранителя плаща, то он никогда не ладил с капелланом.

Рука Олеандры лежала на столе, а рядом красовалась великолепная двустворчатая раковина. Олеандра не отрываясь смотрела на нее. Достаточно было протянуть руку, чтобы взять раковину. Она чувствовала на себе взгляд гроссмейстера.

— Протяни руку, и соборная карета твоя, — сказал он. — Это так же просто, как взять вот эту раковину.

Она смотрит на раковину. И ясно видит золоченую карету, девушек, окружающих невесту, ликующие толпы народа, разъяренных Аврелию и Лобелию — и тут же, словно для контраста, вдруг появляются Давус и Герман, Герман и Давус...

Олеандра протянула руку, взяла раковину и крепко зажала ее в кулаке.

— Я согласна,— сказала она, встала и гордо прошла мимо отца в свою спальню.

Восемь дней воевали между собой знатнейшие семьи Йоргенстада за право породниться со святым Йоргеном. Восемь дней знатнейшие старые девы всячески интриговали и нещадно поносили друг

друга с присущей им злобой и ехидством. Олеандра сидела в своей комнате и выжидала; лишь темные круги под глазами да побледневшее лицо выдавали ее волнение.

Одиннадцать раз собирались члены соборного капитула на совет и не могли прийти к согласию. Зал, где они совещались, был сплошь усыпан, словно снегом, избирательными бюллетенями.

А праздник святого Йоргена был уже не за горами. Старый Коркис до блеска начищал чугунные пушки перед крыльцом гроссмейстерского дворца, пушки, которые вскоре возвестят о том, что праздник начался. Однако с невестой Йоргена дела обстояли очень неважно. В двенадцатый раз собрался соборный совет, а казначей и хранитель плаща по-прежнему обливали друг друга грязью.

— У Аврелии хоть зубы целы,— говорил казначей.

— Но Лобелия старше,— отвечал хранитель плаща.

— Что ж, пусть себе идет в приют для престарелых.

— У нее такая прекрасная душа...

— И такая прекрасная физиономия...

И опять все сначала.

Гроссмейстер решил, что как раз приспело время поднять вопрос о «молодой невесте», и

через пять минут прекрасная Олеандра, о которой шла недобрая молва, была избрана невестой святого Йоргена.

Компания из «башни» ушам своим не верила, однако все добропорядочные горожане встретили весть о новой невесте почти с восторгом: Олеандра искушила свои преступления, и отныне никому не придет в голову смеяться над невестой святого Йоргена.

Прогрели три пушечных выстрела.

Члены соборного капитула торжественно прошествовали к дому гроссмейстера, надели на палец Олеандры обручальное кольцо и удалились,

Олеандра смотрела то на кольцо, то на площадь, за-
пруженную паломниками.

Скажи, о Йорген, нас любя,
что б стало с нами без тебя!

Они по-детски держались за руки, козлиными голо-
сами распевали псалмы во славу святого Йоргена и каза-
лись совсем маленькими, беспомощными и простодуш-
ными. Теперь мысли Олеандры приняли несколько иное
направление.

«Господи,— думала она,— а ведь для них это действи-
тельно истина, для этих тысяч бьющихся верой сердец.
Ну что ж, для Йоргена я буду невестой, а для них —
матерью».

А в это самое время старый Тобиас из Нокебю сидел
в переулке Роз у Коркиса и уписывал за обе щеки что
бог послал.

— О вы, счастливы, денно и ночью живущие в свя-
той обители Йоргена,— говорил он, не переставая же-
вать,— да понимаете ли вы, как вам повезло?

Проходя по переулку Первосвященников, он повстре-
чал главного секретаря и преклонил перед ним колена,
на углу переулка Роз он столкнулся со свитой главного
капеллана, а едва он успел встать и почистить колени,
как мимо прошел соборный глашатай.

«Олеандра — соборная невеста! Подумать только! Ну
не говорил ли я: господь знает, что делает, и все обратит
во благо».

О город детства!
 Снова я
 попал в родимые края.
 Я слышу колокольный звон —
 на праздник всех
 сзывает он.
 И я иду туда сейчас
 в последний раз...
 в последний раз...

Когда на башне святой Катарины пробило семь, тут же зазвонили все городские колокола, и на душе у Микаэля Коркиса стало легко и радостно. Улицы были полны народа, гул стоял такой, что в ушах звенело, а ведь Коронный вор, годами живя в изгнании, устал от тишины и одиночества. Уже сама возможность окунуться в это смеющееся, бурлящее, волнующееся море людское, возможность исчезнуть и раствориться в его многоголосой пучине наполняла Микаэля лучезарной радостью и счастьем.

В толпе шныряли мальчишки, они продавали плащи, пронзительно выкрикивая: «Плащи! Плащи! Паломничьи плащи!» Он тоже бегал когда-то с ворохом плащей из грубой дешевой ткани и предлагал их паломникам. Он купил по плащу себе и Францу, затем отвел его в кабачок «Праведный паломник», а сам отправился бродить по городу. Он шел по улицам и переулкам, мимо домов и старинных дворцов, смотрел во все глаза направо и налево, а сердце его ныло и словно нашептывало ему:

...в последний раз...
 в последний раз...

Микаэль остановился. Перед ним высился дворец главного канцлера. Там живет и благоденствует его высокогородный, высокомерный отец-первосвященник, а здесь стоит он сам, сын первосвященника, изгнанный и отверженный.

Здесь ему дали пинка, и он кубарем летел из этих решетчатых ворот; он долго катился вниз и вот очутился наконец на самом дне пропасти. Но теперь он отомстит! Бросится на своего родителя и в мгновение ока отрежет ему уши и нос!.. Скорее же!.. Нет, нет! Не сейчас! Спокойно... спокойно! Лицо Микаэля пылало, мысли путались... Он был как в лихорадке, в голове рождались бесчисленные планы, один безумнее другого. Скорее бы ночь... Он отдохнет, успокоится, все эти бессвязные мысли обретут ясность, и тогда возникнет план, как ему лучше победить этот себялюбивый, жадный и лицемерный город.

На землю опустились сумерки, и паломники начали устраиваться на ночь. Молодежь потянулась на кладбище. Оттуда то и дело доносился хохот парней и девичий визг.

Пожилым паломникам там нечего делать. Те, кто побогаче, расположились на постоянных дворах и в трактирах восточного района. До поздней ночи там шумели, пели, смеялись, кричали и визжали,— все это Микаэль наблюдал еще в детстве.

Паломники победнее разбили целый лагерь между источником святого Йоргена и предместьем Тополиный колодец. Хотя ночь была сырая и прохладная, они закутались в плащи и одеяла и уснули прямо под открытым небом. Эта картина тоже была знакома Микаэлю с детства.

Однако не все спали в эту ночь. Гуляки собрались возле виселицы, и здесь царило буйное, безудержное ве-

селье. Паломники громко орали песни и лихо отплясывали вокруг больших костров.

Но что это? На лестнице Скорби происходило нечто такое, чего Микаэль не видел ни разу в жизни. Он подошел поближе: здесь стояли огромные толпы очень серьезных, молчаливых, мрачных людей. Суровые, изможденные лица, горящие глаза... Одни распевают псалмы, другие возвещают о скором пришествии святого Йоргена...

О, Микаэль еще в детстве слышал об этих фанатиках: своей болтовней о пришествии святого Йоргена и молитвенными собраниями на северном склоне горы они уже тогда вызывали насмешки и гнев остальных паломников. Но тогда это были жалкие единицы, а теперь их сотни и тысячи.

Микаэль наострил уши. Да, за последние двадцать лет все больше становится людей, которые с нетерпением ожидают второго пришествия святого Йоргена. Они произносят пламенные речи, клеймят позором соборный капитул, погрязший в разврате, и проклинаяют всю эту йоргановскую вакханалию.

— Первосвященники — свиньи, нечестивые и безбожные твари. Ныне они еще более алчно, чем во времена Йоргена, высасывают из простого народа все соки. Праздник святого Йоргена они превратили в омерзительный шабаш ведьм, в дикий и разнузданный разгул самых низменных страстей, прикрываемый именем святого. Сами они открыто поносят и священный плащ, и невесту Йоргена, и его евангелие, а крепостных крестьян обирают до нитки. Но близок час расплаты! Чаша терпения переполнилась! В один прекрасный день святой Йорген вернется и будет судить господ и богачей за их злодеяния! Моряки уже видели его в Сан-Пбесе, в трактире, встречали и в Трапезунде — он сидел на берегу и глядел на корабли.

А один рудокоп из восточного предместья видел вечером, в сумерках, какого-то странного человека, который сидел, пристально глядя на Йоргенстад.

Коронный вор пожал плечами: люди остаются все такими же наивными и легковерными. Вместо того чтобы закалять свою волю в мужественной и упорной борьбе с угнетателями, они лишь плачут, жалуется и болтают всякий вздор!.. Говорят, что близится Судный день! А знатым господам наплевать на Судный день. Они сидят себе во дворцах да посмеиваются над всей этой болтовней.

Микаэль прошел от лестницы Скорби до виселицы. И его немало озадачило то, что он здесь услышал.

Вино и веселье развязали языки. Паломники, проделавшие немалый путь, чтобы побывать на празднике святого Йоргена, теперь издевались и глумились над первосвященниками, теми самыми тиранами, перед которыми они падали ниц.

Гроссмейстер — волк в образе человека. Главный капеллан, этакая свинья, изнасиловал нынешней зимой на семьдесят первом году жизни пятерых крестьянских девушек, и все они забеременели. Хранитель сада не постыдился дать заведомо ложную клятву и заграбастал луг к северу от мельницы. Пятнадцать крестьян не смогли вовремя уплатить десятину, и казначей распорядился снести их хижины. Однако наибольший интерес вызвал рассказ о том, как молодой крестьянин Клаус всучил хитроумному секретарю вместо кур корзину с воронами.

— Это куры? — злобно проворчал главный секретарь.

— Так точно, ваше преподобие!

— Но ведь они без гребешков.

— Это очень породистые куры, ваше преподобие.

— А они несутся?

— Круглый год, ваше преподобие.

— Значит, это в самом деле куры,— прогнусавил секретарь.

Крестьяне так и покатывались со смеху, и Клаусу пришлось снова и снова повторять свой рассказ.

Коронный вор глубоко вздохнул: опять это вечное зубоскальство над чванливостью господ и простоватостью крестьянина. И так по всей земле. Нет уж, ему куда понятнее жгучая ненависть фанатиков, их страстная вера в возвращение Йоргена, непоколебимая убежденность в том, что придет некто великий и святой с пламенным сердцем в груди и бичом в руке и покарает всех этих грабителей и кровососов.

И как жаль, что нет никакого Йоргена, никакого святого и никакого Судного дня! Увы, все это вздор и суеверие.

На башне святой Катарини пробило двенадцать.

Коронный вор стоял на лестнице Скорби и слушал страстные призывы фанатиков. Потом они запели псалом:

Когда же тьма кромешная
опустится с высот,
вернется добрый Йорген
и свой народ спасет.

Вдруг на лестнице появился какой-то пьяный парень в белой одежде и изрек замогильным голосом:

— Я святой Йорген! Бэ-э-э!

Взрыв хохота, и сразу же началась драка. Потом все разошлись. Один лишь Микаэль стоял неподвижно, охваченный странным волнением. Какая мысль! Да! Да!

Именно так! Он явится к ним в образе святого Йоргена! Наконец-то его осенило! Крик пьяного дурака: «Я святой Йорген», — пронзил Микаэля в самое сердце. Но Микаэль знал, чувствовал всем своим существом, каким должен быть святой Йорген, возвратившийся в родной город: величественный и гордый, сильный и могучий, он придет, чтобы отомстить за свою поруганную честь, как и сам Микаэль!.. Да будет так!.. Но нет, ничего не выйдет, его план обречен на провал!..

●

На колокольне святой Катарины пробило час.

Вот переулок Роз, где он родился, где прошло его детство... Переулок спит. Какой он маленький и узкий. Здесь Микаэль бегал и играл еще ребенком... Неистово бьется сердце... Он замедляет шаг. Вот знакомый сад, пламенеющий розами. В домике спят его набожная мать и дед, кроткий старый Коркис. Они считают его мертвым, горюют о нем, уже давно потеряли надежду на его возвращение. И вот он явится! Дерзнет сыграть эту самую трудную в своей жизни роль! Мелькает мысль: «Завтра или никогда!» Но ведь это же бред, чистое безумие, плод расстроенного воображения... но как заманчиво, как соблазнительно...

●

Пробило два.

Коронный вор стоял на Виселичном холме. На виселице болтался полуразложившийся труп какого-то горемыки. На земле валялась его рваная шляпа, и тут же лежали белые кости других горемык, таких же, как и он, пасынков судьбы... Завтра и он умрет здесь, если его

затая провалится. А она, конечно, провалится... Два черепа смотрят друг на друга черными пустыми глазницами. Их мягко окутывает ночной мрак. Идут часы — мир и тишина. Больше нет ни ненависти, ни позора, ни страха, ни разбитых надежд.

Великий покой! И великое равнодушие к презрению живых! Никто их больше не обидит, никто не унизит их...

...Нет! И он даже содрогнулся от неодолимого желания осуществить свой безумный замысел...

Внезапно в куче костей послышался какой-то шорох. Потом все стихло. Через минуту шорох повторился. Ах вот оно что! Это копошится большая крыса. Костям хорошо, они спят вечным сном. Крысе приходится хуже, она еще живая... и ей хочется есть. Каким ничтожным казался Микаэлю весь этот крикливый и жестокий мир по сравнению с царящим здесь покоем, которого не нарушает даже петушиный крик.

Что ж, он попытается. Непременно попытается. Никаких колебаний! Он принял решение, и им сразу овладело холодное спокойствие.

Микаэль посмотрел на гору святого Йоргена и улыбнулся. Эти негодяи в сутанах, живые скелеты, погрязшие в злобе и чванстве, ему не страшны.

Завтра он, как эта крыса, попробует расшевелить их мертвые кости.

На колокольне святой Катарины пробило три.

Коронный вор стоит в священной роще. Соборная площадь кажется пустынной и мрачной. А вот и сам собор, похожий на театр или огромную сцену, вот священная белая лестница, на ступени которой еще не ступала нога простого смертного...

— Шутовство!

Перемахнув через ограду, он начинает подниматься по лестнице. Потом останавливается и обращает лицо в ту сторону, где завтра соберется соборный капитул. Да, отсюда появится святой Йорген. И призовет весь этот высокородный сброд к ответу, обрушит на них громы и молнии своего гнева.

А вдруг ничего не выйдет?

Он стоит и думает, думает долго, упорно, а в лесу воет ветер. Он видит, как вся роща заполняется волнующимся морем людей. Поверят ли они ему? Или потребуют доказательств? Каких именно? Потребуют чуда? Конечно, ведь плащто чудотворный. Захотят, чтобы он исцелил увечных, калек, больных...

Тут Микаэль вспомнил о Франце и разразился беззвучным сме-

хом; он так смеялся, что слезы выступили у него на глазах и закололо в боку.

Ну что ж, он сотворит чудо. Много лет его гнали и преследовали враги, но завтра он разыграет перед ними комедию, тряхнет стариной и покажет свое вдохновенное искусство актера. Неудача означает смерть, но успех — это отмщение, победа, жизнь...

●

На колокольне пробило четыре.

Коронный вор медленно идет по полю. Начинается новый день. Рядами лежат паломники, неподвижные, словно трупы на поле брани, окутанные утренним туманом: паноптикум восковых фигур, огромный паноптикум жизни...

Спите, спите спокойно. Завтра придет святой Йорген.

●

2

В СВЯЩЕННУЮ РОЩУ

ж скоро вечер.

В третий раз зазвонили в роще колокола, и со всех концов города устремляются к собору толпы паломников. Невероятная толча в день выноса плаща — одна из главных достопримечательностей праздника святого Йоргена. Слошное море голов. Бесконечным потоком движутся паломники по улицам города туда, где зеленеет

священная роща, где высится собор. У всех радостное, приподнятое настроение, на лицах — умиление и блаженство. Скептики и насмешники тоже захвачены этим неодолимым потоком. Богомольцы сияют от удовольствия, как дети.

И каждый думает: «Вот это толпа! Как нас много! Слава Йоргену, это что-нибудь да значит!»

А в дверях лавок и кабаков стоят преуспевающие их владельцы и деловито, по-хозяйски осматривают толпу, как пастух осматривает барана, которого собирается стричь.

— Ну и нахальный вид у этого малого! — сердито говорят паломники, глядя то на одного, то на другого кабатчика, не понимая, как эти безбожники могут не проникнуться общим восторгом. Но, обозрев толпу и убедившись, что народу и без кабатчиков много, набожные богомольцы снова обретают душевное спокойствие и бормочут себе под нос: «Уж если кто и останется в дураках, то, конечно, не мы. Нас больше, нам веселее, а значит, мы избрали истинный путь». Они гордо поджимают губы и с сожалением смотрят на бедняг, кои не хотят приобщиться к божьей благодати.

ПЕРЕД ВЫНОСОМ ПЛАЩА

У входа в рощу невероятная давка. И хотя шуметь в роще строгойше запрещается, все же кругом стоит страшный шум. Если вам удастся втиснуться в толпу паломников, этот многоголосый шепот производит очень странное впечатление.

Площадь перед собором запружена народом. Все вытягивают шеи, чтобы увидеть священную белую лестницу, на которую еще никогда не ступала нога человека. Вот она! Ее окаймляет золоченая ограда, а справа и слева от нее поднимаются две боковые лестницы, устланные жел-

тыми коврами. Священная лестница заканчивается у главных врат, которые ведут в хранилище чудотворного плаща. Пока что главные врата закрыты, равно как и боковые врата.

На паперти стоят шесть раззолоченных кресел, по три с каждой стороны. Посредине кресло самого гротескнейшего.

На крыше собора за балюстрадой сидят музыканты и настраивают инструменты. Торчат только их головы, да изредка виден то фагот, то тромбон.

Раздаются три удара колокола.

Боковые врата распахиваются, и двое слуг в красных трико сбегают вниз по боковым лестницам. В руках у них серебряные чаши с углем, которым они разжигают благовонные курения в больших курильницах, что стоят вдоль священной лестницы.

Толпа возбужденно гудит. Многие взбираются на деревья, чтобы лучше видеть.

Вот заиграла музыка.

Ах, как они прелестны! Из боковых врат появляются девушки с большими корзинами цветов и усыпают розами священную лестницу. У них такой торжественный вид! Одна даже плачет от избытка чувств. Ах, как она мила! Все смотрят только на нее! Она такая хорошенькая и такая трогательная!

Воцаряется мертвая тишина. Лишь звуки музыки сливаются с пением лесных птиц.

А в это время в главном зале господина первосвященники готовятся к выходу. Их бреют и одевают, моют и чистят, пудрят и поливают одеколоном. В воздухе мелькают полотенца и во все стороны летят брызги мыльной

псны. Слуги ошалело мечутся с бритвенными тазиками и брыжами. Главному капеллану жмут башмаки, и старик рычит, как разъяренный медведь. Цирюльник порезал гроссмейстера бритвой. «Свинья!» — орет гроссмейстер, пиная паршивца ногой.

— Зажгли курильницы?

— Зажгли.

— Где цветочницы? Поторапливайтесь, черт вас побери! — кричит главный капеллан растерявшимся девушкам.

Соборную невесту сопровождают дочери господ первосвященников, а цветами занимаются дочери состоятельных горожан, с которыми особенно не церемонятся. Одна из девушек, с перепугу уронив тазик, облила брыжи казначея. Поднялась суматоха. Упали три корзины с цветами, и цветы оказались в мыльной пене. К месту происшествия подоспели гроссмейстер и капеллан. Девушки расплакались. «Цыц, — рявкает гроссмейстер, — берите цветы, и марш отсюда!» Девушки, едва сдерживая слезы, выбегают из собора через боковые врата.

Перед большим зеркалом стоит Давус, который должен сегодня дебютировать в роли герольда. Пока он зубрит по бумажке текст, один слуга чистит ему его единственный зуб, а другой штопает лопнувшие сзади штаны. Щеки дебютанта пылают от волнения.

— Подождите! — умоляюще шепчет он цветочницам. — Ради бога, не спешите!

Хранитель плаща в сопровождении своего слуги входит в зал, где находится драгоценнейшая из реликвий — плащ святого Йоргена.

Из люка, ведущего на крышу, появляется голова дирижера, который только ждет сигнала.

— Играйте, дьяволы!

И нежные звуки музыки мягко разливаются в зеленой роше, окутанной вечерними сумерками.

В притворе стоят служки с балдахинами и тихонько переругиваются. Но вот кто-то постучал костяшками пальцев о косяк двери, и они испуганно замолкают.

Паломники с нетерпением ожидают начала церемонии. У самой лестницы стоит Франц, тяжело опираясь на костыли, а рядом с ним — старый Тобиас из Нокебю. Тобиас что-то бормочет про себя, а Франц, следуя инструкциям, полученным от Коронного вора, трясется как осиновый лист.

С левой стороны стоят молодые скептики из «башни», привлекая к себе всеобщее внимание. Они собрались здесь, чтобы, во-первых, «лучше изучить народ», а во-вторых, посмотреть на Давуса-герольда с рогом и в красном трико. Вот Гермап, затянутый в корсет и похожий на сушеную воблу; вот Тимофилла, дочь секретаря; а вот хохотунья Роза, сестра Олеандры. Они болтают и смеются, проявляя возмутительное неуважение к святыне, что вызывает справедливым гнев и нарекания почтенных богомольцев.

Звучит музыка. Пожилые паломники держатся за руки, словно старухи перед причастием, когда к ним подходит, бормоча молитвы, священник с облатками.

Внимание! Грянул марш первосвященников. Вот они, идут! Идут! Распахиваются боковые ворота, и оттуда торжественным и мерным шагом выходят первосвященники в праздничных фиолетовых сутанах, расшитых красными драконами. Вот они опускаются в свои кресла. За спиной у них толпятся служки с балдахинами и маленькими зонтиками от солнца.

Воцаряется благоговейная тишина. Ведь в этих роскошных креслах сидят сейчас семь могущественнейших мужей города, да и не только города, а всей округи.

Лица у всех становятся серьезными.

— Смотрите, это Давус! — шепчет Тимофилла, задыхаясь от смеха.

Хохотушка Роза закусывает губы.

На паперть собора выходит герольд — Давус, в зеленом, шитом золотом плаще, — и трижды трубит в большой соборный рог. Руки у него дрожат.

— Секретарь соборного капитула приветствует вас, — кричит Давус срывающимся голосом, — и открывает праздник чтением отчета капитула за истекший год. Слушайте внимательно и не устраивайте давки!

Он уже весь взмок от волнения и старается не смотреть в сторону своих приятелей из «башни».

Секретарь, жирный и равнодушный, выступает вперед и начинает читать гнусавым голосом:

— Начинаем двести пятьдесят третий праздник святого Йоргена! Милости просим к нам. За истекший год собор посетили восемнадцать тысяч паломников. Восемь тысяч четырехста паломников прикоснулись к чудотворному плащу. Из них триста десять чудесным образом исцелились. Двое подагриков частично обрели способность ходить и бросили костыли. Сорок три человека исцелились в святом источнике от чесотки, а здоровье всех остальных значительно улучшилось.

Юноши и девушки из «башни» толкают друг друга локтями и ехидно переглядываются.

— Семнадцатого января сего года на соборе была поставлена новая труба. Третьего марта мы понесли великую утрату. Ее преподобие соборная невеста скончалась от крапивной лихорадки восьмидесяти четырех лет от роду.

— А вы бы окунули ее в источник! — наивно заметил старый Тобиас.

В толпе кто-то захохотал.

— А может, у нее была водобоязнь! — изрек какой-то крестьянин. Он, видно, хватил лишнего и теперь с трудом держался на ногах.

Одни весело хохочут, другие возмущенно шикают на весельчаков. А секретарь невозмутимо зачитывает параграфы отчета под рубрикой «Завещания, оставленные в пользу собора». После каждой статьи он бормочет: «Да будет благословенна память завещателя».

— Гроссмейстер, доклад зачитан.

Снова выходит Давус, трубит в рог и провозглашает, на сей раз более твердо:

— Слушайте все! Главный капеллан зачитает послание о бегстве святого Йоргена из города!

Раздаются звуки фанфар, в толпе начинается движение.

Главный капеллан всегда производил на паломников очень сильное впечатление своей могучей фигурой, громовым голосом и жизнерадостным бесстыдством. Это был великий бабник, жадный и беспощадный ростовщик. Обиравая свою жертву, он ласково улыбался, а снимая с должника последнюю рубашку, щедро расплачивался островами.

Его появление на паперти паломники встречают рукоплесканиями. Польщенный, он кланяется, а потом нараспев елеино произносит:

Подай мне манускрипт святой —
о древних временах рассказ,
рассказ бесхитростный, простой,
без лишних слов и без прикрас.

Слуга протягивает капеллану евангелие от Йоргена, и тот начинает читать.

Из восьми передних зубов, желтых и крупных, один у него недавно выпал, однако это не мешает сластолюбивому старцу заигрывать с молодыми прихожанками и паломницами.

— В старину, — начинает он, — многие знатные мужи нашего города... э-э... вели жизнь весьма греховную.

— Они и сейчас грешат всюю! — кричит кто-то из толпы, испортив капеллану его многозначительную паузу.

Реплика передается из уст в уста и постепенно обходит всех собравшихся на праздник. Волна шепота и хихиканья прокатывается от первых рядов до последних и вызывает у входа в рошу взрыв безудержного веселья.

Лишь молодые люди и девицы из «башни» вдруг намурились, словно им нанесли личное оскорбление.

— Чернь! — заявляет Тимофилла.

— Скоты! — соглашается Герман.

Наконец воцаряется тишина. В толпе происходит легкое движение, и два здоровенных служителя отводят куда-то дерзнувшего нарушить тишину... Капеллан собирается с мыслями и продолжает читать евангелие, и этот священный текст помогает паломникам вновь обрести серьезность.

А в это время с Виселичного холма спускался странник в запыленной одежде пастуха, в широкополой шляпе и с посохом в руке.

Это был Микаэль Коркис.

«Итак, теперь я — святой Йорген, и после трехсотлетнего отсутствия возвращаюсь в родной город».

Он прошел через Крапивный луг, мимо старого водяного насоса и остановился на опустевшей площади Йоргена, возле дворца гроссмейстера.

«Они поставили мне здесь памятник. Что ж, это неплохо. Но город безлюден. Видно, все отправились к собору, чтобы посмотреть на мой плащ».

Так Микаэль вживался в трудную и рискованную роль, которую собирался сыграть в этот, может быть последний, вечер своей жизни.

Солнце медленно заходило за лесистые горы, меж которыми извивалась Курфюрстова дорога.

«А гонца от курфюрста пока еще нет! Если б он задержался хоть на один день!»

Микаэль вдыхал теплый вечерний воздух (в последний раз), смотрел на дома (в последний раз). Вся его жизнь словно была озарена золотистым сиянием заката, и скоро, с последними лучами солнца, она померкнет.

А вокруг все было так торжественно, словно сами улицы стали золотыми, окрашивая золотом быстротечное мгновение жизни. Дома были как жилище мухи-однодневки, и люди были как мухи-однодневки, и сам он был как заблудившаяся однодневка, которая делает последнее усилие, пытаясь украсть еще один день, чтобы прибавить его к своей несчастной однодневной жизни.

В третий раз зазвонил в роще соборный колокол. Представление началось. Его час настал. Нора.

«Надо будет зайти в мой собор,— подумал он,— Но сначала побреемся».

Он пошел в цирюльню и велел сбрить себе бороду. Пока его брили, он очень серьезно расспрашивал изумленного цирюльника о событиях двухсот-, а то и трехсот-летней давности.

Цирюльник просто терялся в догадках, а когда странный паломник расспросил, как попасть к собору, и пошел по Брачной аллее, все, кто был в цирюльне, столпились в дверях, чтобы поглазеть на него. А он все шел и шел,

молодой, красивый, властный и в то же время какой-то удивительно замкнутый. И все подмечали, с каким любопытством он смотрит на дома и на людей.

По улицам города в рошу шел сам святой Йорген. До него доносились звуки труб, и, с детства зная весь ритуал праздника, он мог легко сообразить, какую часть йоргеновской пантомимы разыгрывают сейчас преподобные отцы. Вот заканчивает свое выступление главный капеллан, а потом и его выход...

С трудом прокладывая он себе путь в густой толпе, собравшейся в роше. При этом он настойчиво думал: «В последний раз, когда я был здесь, меня выгнали из города. Триста лет скитался я по белу свету, видел, как рождаются и умирают целые поколения людей, и вот я вернулся!»

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЯГОГО ЙОРГЕНА

Главный капеллан кончил. Собравшиеся уже дремали. Теперь они очнулись.

Гремят тромбоны. Гроссмейстер величественно встает и звонит в свой серебряный колокольчик, требуя тишины.

— Начинается! — шепчут старые паломники.

— Ключарь! — восклицает гроссмейстер. — Передайте золотые ключи хранителю лестницы.

— Гроссмейстер, ключи переданы!

Сверху раздается удар гонга.

— Хранитель лестницы! Отоприте решетку, дабы народ узрел плащ святого Йоргена.

В толпе мертвая тишина... люди вытянули шеи... повязкивает священный металл...

— Гроссмейстер! Решетка отперта!

Два удара гонга. В толпе движение. Начинается давка.

— Хранитель сада! Усыпьте лестницу розами!

— Гроссмейстер! Священная лестница усыпана розами.

Три удара гонга, оркестр исполняет бравурный марш. Господа первосвященники встают и с молитвой уходят в боковые врата.

Гроссмейстер остается один на опустевшей паперти. Он делает несколько шагов и опускается на колени. Подбегают служки и надевают на коленопреклоненного гроссмейстера роскошный плащ из сверкающего как снег белого шелка, затем белую шапочку, белые туфли и подают ему белый посох.

Музыка умолкает.

Гроссмейстер весь в белом торжественно выступает вперед, знаком требует тишины и провозглашает:

— Итак, сейчас вам всем будет бесплатно явлен чудотворный плащ святого Йоргена. Тот, кто пожелает прикоснуться к плащу, пусть обратится в контору соборного секретаря и сдаст ему кружку святого Йоргена с установленной законом суммой денег. Новые кружки с соборной печатью можно купить там же сегодня и в течение двух последующих дней. Так откройте же... Ах да, пока я не забыл: те, что стоят в задних рядах, не напирайте слишком на передние, а то опять покалечите друг друга, как в прошлом году. Кроме того, соборный капитул строжайшим образом запрещает богомольцам влезать на деревья, ведь можно повредить кору, листву и ветви. Так что слезайте, а кто не слезет... Откройте же священные врата!

Играет музыка, звонят соборные колокола, и паломников охватывает суеверный ужас. Главные врата открываются, и на лестницу выбегают пестро одетые

мальчики и девочки с розами и кадильницами. Они радостно поют:

Малиновому звону
внимает весь народ,
и капитул священный
выходит из ворот.
На лестнице крутой —
плащ Йоргена святой,
тот, что со злобной бранью
был предан поруганью.

Из темноты собора один за другим, словно привидения, появляются первосвященники в белых одеяниях, в высоких золотых шлемах и с длинными золотыми копьями. Они несут синевато-зеленый плащ, весь запятнанный кровью, а гроссмейстер стоит на коленях, воздев к небу руки и творя молитву.

И все паломники, как один, падают на колени. Женщины громко рыдают, мужчины тоже всхлипывают.

Гроссмейстер поднимается с колен и, впадая в экстаз, восклицает:

— Слово облака, проносятся над землей тысячелетия, но невзирая на бури времени соборный капитул неусыпно и стойко охраняет плащ святого Йоргена. О благочестивейшие братья мои первосвященники! Снимите же ваши шлемы, сложите ваши копья и помогите мне призвать нашего великого святого, странствующего по земле.

Господа первосвященники преклоняют колена, а гроссмейстер громогласно восклицает:

— О наш святой покровитель, где бы ты ни странствовал сейчас, услышь призыв наш: святой Йорген!

— Я здесь, — неожиданно отзывается кто-то.

В толпе паника.

— Святой Йорген!

— Я здесь, — повторяет все тот же голос, и толпа ви-

дит человека, который быстро пробирается в толпе коленопреклоненных паломников.

— Святой Йорген! — рычит гроссмейстер как разъяренный медведь.

— Я здесь, — кричит в ответ Микаэль уже у самой лестницы. — Да, это я! Вы сохранили мой плащ? — И прежде чем кто-либо успевает опомниться от страха, он уже стоит на ступенях священной лестницы.

А вокруг него бушует буря возмущения и гнева. На дерзкого святотатца обрушивается град проклятий.

— Он идет по священной лестнице!

— Он берет плащ!

— Безумный пес! Разве ты святой Йорген?

— Это мой плащ! — восклицает Микаэль. — Я Йорген, и я вернулся к вам...

— Он лжет! — визгливо кричит Тобиас.

— Хватайте его! — приказывают первосвященники страже.

— Я лгу?! — Это крик отчаяния. — Посмейте же коснуться меня, собаки! Клянусь, если вы опять изгоните меня, как в мою брачную ночь триста лет назад, то я вернусь в третий раз и камня на камне не оставлю от вашего города.

— Это Йорген, — бормочет Тобиас.

— Это его голос, — кричит толпа. — Конечно, это Йорген, лучший друг бедняков.

Тут поднялся такой шум и гам, что гроссмейстер совсем растерялся, и момент был упущен.

Тогда решил вмешаться главный капеллан. Он грубо отталкивает гроссмейстера в сторону и кричит, презрительно глядя на толпу:

— Да вы рехнулись? Святой Йорген мертв и лежит в могиле.

Весьма грубый промах, и Микаэль мгновенно пользуется этим.

— Я мертв?! — насмешливо кричит он и, сжав покрепче посох, с размаху бьет своего дорогого родителя по лицу; посох раскалывается, а главный капеллан, шатаясь, отступает на несколько шагов. Лицо святого искажено ненавистью и гневом.

— Ну что, по-твоему я все еще мертв? — яростно наступают Микаэль на оглушенного первосвященника. — Ни-

чего, ты сейчас убедишься, что я жив, и еще как жив, мерзавец, старый прелюбодей!

Паломники, гроссмейстер, первосвященники, герольды, служки, музыканты — все ошеломлены этим страшным взрывом ненависти, испепеляющей как вулканическая лава.

И тогда старый Тобиас бросается вперед и вопит, содрогаясь всем телом, словно он сам получил взбучку:

— Коли ты святой Йорген, то сотвори чудо!

Сквозь толпу протискивается Франц и ковыляет на костылях к святому Йоргену.

— Чудо! Сотвори чудо! — молит он.

— О бедняга, — восклицает Микаэль, с жалостью протирая над калекой руки и дотрагиваясь до него. — Встань и брось костыли!

Все сердца замирают, языки прилипают к гортани, а глаза вылезают от изумления на лоб: калека выпрямляется, бросает костыли и пускается в пляс, завывая от восторга:

— Я могу ходить! Я могу ходить!

Всеобщее ликование, буря радости; она то затихает, то разыгрывается с новой силой; зрителей мороз подирает по коже.

— Он исцелился! Он исцелился!

Даже кавалеры и девицы из «башни» побледили, словно их обсыпали мукой; они изумленно смотрят на этого сильного и властного человека с пламеним взором и просветленным лицом.

— Что это? Разве на свете бывают чудеса? — заикаясь, бормочет Тимофилла.

А между тем калеки, с палками и на костылях, бросаются к Микаэлю.

— И меня исцели! И меня! И меня! — умоляют они.

— Не сейчас! — отвечает он. — Подождите до завтра! — А сам шаг за шагом, уверенно и твердо поднимается на паперть, где сбились в кучу перепуганные первосвященники.

— А ну, сейчас же подай мне плащ, старый мошенник! — кричит он прямо в лицо гроссмейстеру, и голос его, отраженный стенами собора, несется над притихшим людским морем и замирает в темно-зеленой листве Соборной рощи. Он крикнул с такой великой ненавистью и силой, что оплевал все лицо преподобного мужа.

— Помилуй нас, грешных! — вырывается у ошеломленного гроссмейстера, уже павшего на колени. Но он тут же вскакивает и сам набрасывает плащ на плечи святого.

Не давая опомниться господам первосвященникам, которые от страха совсем потеряли голову, Микаэль отдает им распоряжения.

— Эй вы, ослы, — кричит он, указывая на казначея и секретаря (гроссмейстер в это время поправляет на нем плащ), — идите и приготовьте мне ужин. Ведь из-за вас, негодяев, я странствовал целых триста лет. Вы, обезьяны, приготовьте мне ванну и постель. А вы стойте здесь и ждите моих приказаний.

Первосвященники лишь жалобно лепечут: «О наш милостивый господин!», «О наш милостивый господин!» Зато простой народ ликует и бурно выражает свое одобрение юному святому, перед которым склонились до земли старые надменные тираны.

А Микаэль весь отдается пламенному неистовству идей, вдруг захлестнувших его словно могучий вихрь. Теперь, когда его облекает плащ, он величественным шагом подходит к краю паперти и знаком требует тишины, полной тишины.

— Итак, да будет всем известно,— провозглашает он,— что святой Йорген вернулся домой и отныне берет на себя управление святым собором. В ознаменование сего радостного для нас события я отменяю все налоги и подати, а также прочие повинности в пользу собора, отныне и присно и во веки веков. Аминь.

По-прежнему царит гробовое молчание. Собравшиеся не могут осмыслить этого неожиданного счастья.

Тогда святой Йорген поднимает вверх руку и кричит во весь голос, словно перед ним тысячи глухих и тугоухих:

— Все налоги отменяю!

Только теперь люди уразумели сказанное. Лица их озаряет радость; это радость освобождения от вековечных поборов; она кипит, бурлит и бушует, волнами катится по Брачной аллее и разливается по площади, куда сбегаются горожане и спрашивают, что случилось. Паломники парами пускаются в пляс, старики бросаются друг другу в объятия — ведь им все-таки удалось дожить до этой счастливой минуты. Женщины, рыдая от счастья, обнимают своих детей, незнакомые люди радостножимают друг другу руки. Только Йорген недвижно, спокойно и величаво стоит на паперти, ожидая, когда уляжется шум.

А тем временем у него возникают все новые и новые замыслы, один смелее другого.

— Повелеваю в течение трех часов звонить во все колокола в честь моего возвращения.

Новый взрыв восторга, и первосвященник спешит передать распоряжение святого Йоргена.

— Затем приказываю: сегодня же зажарить на площади десять самых крупных соборных быков для моих дорогих сограждан и гостей, наполнить до краев самым крепким соборным пивом большую чашу перед ратушей и отвезти по бочонку соборной водки на все постоянные дворы города.

Последний первосвященник, низко поклонившись, бежит выполнять последние распоряжения святого, а благодарные богомольцы запевают старинный псалом в честь Йоргена:

Добрый Йорген, наш спаситель!
Благодетель! Небожитель!
Каждый вести этой рад —
в пляс пустились стар и млад!
Мы счастливей, чем князья,
мои милые друзья!

Не моргнув глазом, Микаэль принимает восторги и поклонение толпы. И тут ему приходит в голову мысль, от которой самому становится весело.

— Превеликий гнев охватил меня, когда я узнал, что некий ужасный разбойник по прозвищу Коронный вор осмелился пробраться на мой святой праздник, словно Йоргенстад снова стал прибежищем воров и разбойников, как было триста лет назад. Я спрашиваю,— Микаэль поворачивается к гроссмейстеру,— почему мой капитул до сих пор не изловил этого мошенника?

Воцаряется тишина. Все смотрят на гроссмейстера.

— Да они просто не хотят! — кричит старый Тобиас.

— Отвечай же, гроссмейстер! — гремит святой Йорген, однако гроссмейстер по-прежнему безмолвствует.

— Хорошо же!.. Господин гроссмейстер, я приказываю обшарить все постоянные дворы, трактиры и погребки и во что бы то ни стало разыскать этого негодяя! И горе вам, почтенные первосвященники, если он завтра же не будет болтаться на виселице!

И снова в священной роще, уже окутанной вечерним сумраком, звучат возгласы одобрения. Огонь из курильниц озаряет ярким светом юное волевое лицо святого, и на фронте собора чернеет его гигантская тень.

— Однако я устал после трудной дороги и хочу отдохнуть. Ведь каждую минуту может прийти моя невеста, а мне хотелось бы сначала принять ванну.

— Смотри, Йорген, не простудись! — кричит старый Тобиас со слезами умиления.

— Завтра мы увидимся с вами на тропе Покаяния. Я со своей невестой поеду к источнику и исцелю вас всех, дорогие мои калеки.

Святой величаво входит в собор, и огромные ворота тяжело закрываются за ним. Идут часы, а народ по-преж-

нему толпится у священной лестницы. Некоторые побежали в город, чтобы рассказать о пришествии святого Йоргена, и в рощу стекаются все новые толпы паломников, жаждущие узнать поподробнее о великом чуде. То и дело раздаются рукоплескания, и радостные клики несутся вверх к сумрачному фронтому собора, к священной лестнице, где только что стоял святой и где теперь угасает огонь в соборных курильницах.

Но вот открываются широкие ворота с драконами, ведущие во внутренний двор собора, и из ворот с грохотом выезжают телеги с пивными бочками и бочонками водки. Потом слышится мычанье и появляются десять жирных быков, которых гонят на площадь, чтобы там заколоть и изжарить.

Толпа начинает редеть, паломники с криком и песнями спешат на площадь. В священной роще не остается ни души. Теперь здесь пусто и темно.

ВЛАДЫКА ХРАМА

Быстро и решительно вошел Микаэль Коркис в святая святых храма. Он захлопнул за собой дверь и бросился на диван.

Он победил! Великий боже! Но сердце так колотилось в груди, что он задыхался. Колоссальное напряжение сил, неистовство фантазии, отвага и страсть — все приняло почти сверхчеловеческие масштабы; а теперь его вдруг охватила слабость.

По лицу его струился пот. Судорожные рыдания сотрясали тело, как и в те великие дни, когда он возвращался домой после исполнения роли Гамлета или Отелло.

Слезы принесли ему облегчение, он успокоился и с удивлением подумал о том, как просто все получилось, как просто, вопреки всем ожиданиям.

Когда наступил решающий миг, Микаэль и в самом деле забыл, кто он такой; он был святым Йоргеном, владыкой храма, Йоргеном-мстителем. Роль захватила его. Обман?.. Ну что ж, он совершил этот обман... Вот так священник, стоя у себя дома с трубкой в руках, отсчитывает клейкие облатки к завтрашнему причастию; одну из облаток он роняет на пол, другую преспокойно жует, ибо на этикетке написано, что это всего-навсего тесто, вырабатываемое на той или иной фабрике... Зато на следующее утро, стоя перед святым алтарем в полном облачении, благоговейно и торжественно возьмет он двумя пальцами облатку... ибо он уже вошел в роль и непоколебимо верит, что тесто это — чудотворная кровь и тело Христово.

Он лицедействует настолько вдохновенно, что заставляет прихожан поверить в то же самое... на одно мгновение.

Смерть занесла над Микаэлем свою костлявую руку. Он разыгрывал комедию, герой которой мог каждую минуту погибнуть. Стоило ему хоть на миг потерять уверенность в себе, и игра была бы проиграна.

И в эту решающую минуту он вдруг увидел омерзительную до тошноты физиономию своего родителя-капеллана и почувствовал такую страшную злобу и ярость, что все равно разбил бы свой посох об эту горилью морду, хотя бы за это ему пришлось сойти в могилу.

Микаэль лежал и беззвучно смеялся, вытирая потный лоб. Последний раз он видел папашу в тот самый день, когда мальчуганом пробрался в его дворец, прошел через анфиладу комнат, приблизился к главному капеллану и сказал спокойно, почти доверчиво, но не без вызова: «Ты — мой отец!»

Да-а-а!.. Надежда и счастье, вера и чистосердечие, улыбка и покой, мир и радость для него и его семьи — все разлетелось вдребезги в тот день из-за слов, сказанных мальчиком. Арест, плети, презрительный смех, бегство, слезы матери, нищета, озлобление, преступления... Все началось именно с того дня, когда он, десятилетний оборвыш, наивно подумал, что, если обездоленный хочет обрести лучшую долю, ему достаточно прийти и смиренно, безо всякой задней мысли напомнить о своем существовании.

Винной всему была кроткая и чистая душа его деда! Он сидел в это время дома, в переулке Роз, согбенный, понурый, но неизменно кроткий и покорный. Ведь он знал... знал... знал... что все это великоление было с начала и до конца ложью, однако, привыкнув к покорности, он уже не мог отказаться от своих заблуждений; он сидел, склонив голову, как увядший цветок, и, стараясь не видеть суровой правды, отчаянно цеплялся за то, что всегда было верованием толпы: пусть это мерзко, очень мерзко, откровенно мерзко, безусловно мерзко, и все-таки, кто знает, может быть... это и хорошо, вероятно, хорошо, должно быть, хорошо, да, непременно, непременно, непременно хорошо... а значит, так оно и есть — это хорошо!

Но Микаэль решительно отверг покорность и всепрощение, которым учил его дед, и всю силу своей души, все свое мужество и страсть сосредоточил на достижении одной цели: месть, месть и победа! И он добился победы,

разбил свой можжевельный посох о физиономию самого мерзкого из негодяев. Ожесточение дало ему силу одним могучим ударом подчинить себе и первосвященников и богомольцев и в конечном счете принесло ему великую победу, почти столь же непостижимую, сколь и полную.

Свершилось! Ха-ха-ха! Свершилось! Один за другим святые мужи выходили вперед и падали на колени! Разум их молчит, а сами они падают на колени! На колени!

Микаэль прекрасно знал, насколько мелок человеческий разум: стоит человеку хоть немного разволноваться, как уже видно донышко,— донышко разума, мрак души, звериный череп...

Он заметил, как, сидя на возвышении перед собором, они сначала просто обозлились на человека, прервавшего церемонию, потом пришли в ярость, когда увидели наглеца, осквернившего священную лестницу, потом пришли в замешательство, когда толпа дрогнула, удар можжевельной палкой их ошеломила... ну, а чудо они проглотили как парное молоко!

О знатные господа, знатные господа! Обжоры вы насыщенные! Великие знатоки жизни и всего того, что называется жизнью. Такие толстокожие и такие неуязвимые! А ведь и у вас есть слабое место, где вы не менее уязвимы, чем простые бедняки! И Микаэль знает ваше слабое место!

Найти слабое место у бедняка совсем нетрудно. Он весь состоит из слабых мест. Стоит только до него дотронуться, он вздрогнет и весь съжится! Лишь одно требование никогда не застанет его врасплох: покориться и умереть!

Бедняк знает, как пахнет смерть, хоть запах этот ему крайне неприятен; его будут душить, и он не станет под-

нимать из-за этого слишком много шума; в запасе у него всегда есть его последняя молитва, его святой Йорген, его деньги, скопленные на плащ, и чрезвычайно удобная вера его прабабушек, которая позволяет ему одной ногой стоять на небе, а другой в сточных канавах нашей грешной земли.

Вот здесь-то у святых мужей, самоуверенных, высокомерных и чванливых, было их самое слабое, самое уязвимое место. Благодаря своей жадности и умению обделывать всякие темные делишки, они набрались житейской мудрости и неплохо разбирались в делах мирских; что же касается религии, то здесь они были жалкими выскочками, великовозрастными, толстыми и беспомощными младенцами, которых мог надуть любой плут. Дело в том, что им давным-давно осточертели древние суеверия, столь милые сердцу их пра- и прапрабабушек, переходящие из поколения в поколение, жеванные-пережеванные и давно набившие оскомину. Эти суеверия казались им слишком наивными, слишком простонародными и убогими,— и господа первосвященники выбросили их на свалку. Святые мужи были просто выше этого, по ничего нового они из-за своей жадности так и не создали. И тот уголок их души, который обычно заполняет религия, превратился в мрачную кладовую, захлавленную черепками древней веры, засыпанную прахом забвения и равнодушия и сплошь затянутую паутиной.

И здесь сила была на стороне Микаэля Коркиса. Его религия была здоровая и полнокровная, овеянная могучими ветрами, дующими над землей. Смертельная опасность, которой он подвергался изо дня в день, научила

его быть хитрым, как лиса, и беззаботным, как певчая птичка, чтобы спокойно балансировать на грани между жизнью и смертью, никогда не поддаваться страху и панике и в любой переделке сохранять присутствие духа. В минуты наивысшего духовного подъема, — вот как сегодня, на соборной лестнице, — он чувствовал себя таким же сильным, каким был Лютер в Вормсе¹, словно на свете не существовало никого и ничего, кроме Микаэля Коркиса, а все остальное было лишь призрачной тенью каких-то картин. В такие минуты он становился сильным, несокрушимо, торжествующе сильным. Но иногда его охватывала огромная всепоглощающая слабость, и тогда ему казалось, что он сливается воедино с окружающим миром, со всей жизнью, а сам больше не живет, его больше нет, а есть только бесконечный, подобный смерти, счастливый покой, — вечный покой...

Он слышит, как звонят колокола, колокола его родного города, все вместе и каждый колокол в отдельности, звонят неистово, перебивая друг друга, дабы возвестить всем и каждому о его возвращении домой... Их благовест врывается в комнату и свидетельствует о том, что он сдержал свое слово, и вернулся домой в ореоле славы и величия, и заставил это осиное гнездо встречать себя флагами и колокольным звоном.

Микаэль глубоко вздохнул, вытер со щек следы слез, встал, расправил плечи, взял подсвечник и быстро прошел в соседнюю комнату, чтобы принять ванну, а потом поужинать.

¹ *Лютер* (1483—1546) — основатель немецкого протестантизма. На сейме в Вормсе стойко защищал свои убеждения перед католическими прелатами.

Гроссмейстер отправился домой, чтобы подготовить Олсандру. Остальные шесть первосвященников собрались в большом зале, который незадолго перед тем служки наскоро привели в порядок.

Цирюльники перевязали капеллану разбитый лоб, и затем их отпустили.

Капеллан лежал на кушетке, обессиленный, с заплывшим глазом, и чертыхался. Возле него стояли секретарь и казначей, понурые, сконфуженные, пот катил с них градом. Немного поодаль стоял хранитель сада и рассказывал всякие страшные истории о призраках и привидениях, которые являлись людям через сотни лет после своей смерти.

Возле двери, ведущей в ванную, замерли хранитель плаща, соборный эконо́м и хранитель лестницы. Они жадно прислушивались, приложив ухо к замочной скважине.

— Скоро ли он соскревет с себя грязь? — злобно пробормотал капеллан.

— Тс-с! — прошептал хранитель лестницы. — Помоему, он гремит тарелками.

— Наверно, жрет! — сказал главный капеллан.

— Слава тебе господи! — с облегчением промолвил секретарь, потирая руки. — Значит, он не привидение.

Но хранитель сада немедленно рассказал о Трольборгском призраке, который однажды съел три окорока и большой кусок лосося, съел вместе с костями и блюдом. В другое время этот рассказ вызвал бы дружный смех всех присутствующих, однако сейчас он произвел весьма тягостное впечатление.

Господа первосвященники боязливо косились на стены, украшенные множеством фресок: «Йорген, пропо-

ведущий народу», «Йорген, застающий разбойников в тот момент, когда они прячут награбленное добро в подвалы знатных господ», «Брачная ночь Йоргена», «Плащ Йоргена на позорном столбе» и «Бегство Йоргена» — святой бежит по улице, его преследуют стражники с копьями, кусают собаки, из окон и дверей на него злобно смотрят старухи.

Казначей стал гневно порицать гроссмейстера за малодушие и попустительство.

— А что же делать? — возражали ему остальные. — Бросить его в тюрьму или выгнать из города?

— Ну, этого он уже отведал сполна, — проворчал капеллан и сердито посмотрел на фреску. — В доброе старое время люди были и умней и решительней.

— Но в доброе старое время он не был призраком, — сказал кто-то.

— А теперь он призрак? Вздор!

— А вот посмотрим, вздор ли! Он только что исцелил одного калеку, а завтра исцелит их всех.

— Избави бог, — вздохнул казначей, думая о своих бухгалтерских книгах. — И что ему от нас нужно?

— Может быть, он прослышал о деньгах, что лежат у нас в подвале, и решил поселиться здесь до конца дней своих?

— А сколько он еще может прожить? — вздохнул казначей; бедняга был весь мокрый от пота.

— Где же гроссмейстер? — спросил кто-то.

— Дома: уговаривает Олеандру.

— Так не будет же она принадлежать духу?

— Еще как будет! — не без злорадства сказал казначей. — Ей ведь так хотелось стать невестой Йоргена! Вот она и стала!

— Ну, надо думать, он ей ничего дурного не сделает?

— Смотря, что вы называете дурным,— вмешался хранитель сада.— Восбургский призрак оплодотворил как-то за одну ночь экономку, судомойку и трех доильщиц. Лихой был призрак!

— Благодарю тебя, боже, что ты уберег мою невинную голубку Аврелию,— возопил перепуганный казначей.

А между тем подружки невесты, разодетые в пух и прах, пропели свадебную песнь и чопорно расселись вокруг Олеандры. Олеандра была в подвенечном наряде и ждала, когда прибудет брачная карета, чтобы ехать в собор. Роза и Тимофилла находились в это время вместе с кормилицей Олеандры в священной роще, Давус дебютировал в роли герольда.

— Почему у вас такой кислый вид? — спросила Олеандра.— Ведь не в могилу вы меня провожаете! Мы будем часто видеться. Сидя в своем брачном покое, я кивну вам, когда вы будете проходить мимо собора.

— Господи, но ты, такая молодая и красивая,— заплакала Лилия,— обречена на вечное безбрачие и никогда не познаешь счастья любви.

— Вытри глаза, девочка,— сказала Олеандра.— Сидеть на коленях у какого-нибудь нахала и терпеть его объятия — избави бог от такого счастья! Ох, уж эти заросшие щетиной вонючие рожи, которые так и норовят влупить тебе поцелуй! Бр-р! Нет уж, благодарю покорно. Я предпочитаю спать одна.

— Да, это ты сейчас так говоришь,— плакала Лилия,— а вот посмотрим, как ты будешь рассуждать лет через двадцать...

— Через двадцать лет вы раздобреете и располнеете и будете трястись над своими старыми мужьями. А я останусь в своем храме, холодная, неприступная и свободная. Мой муж, бронзовый Йорген (она указала на статую), никогда не станет докучать мне назойливыми ласками или ночными визитами. Он давно умер... если только он вообще когда-нибудь жил! — рассмеялась Олеандра.

И в тот же миг все бросились к окнам: в чем дело? Что случилось? Со стороны роши доносились какие-то крики. То были крики радости, восторга... А по Брачной аллее бежали люди и тоже что-то кричали и размахивали как безумные руками! Господи, что же там такое стряслось?

Тут на всех колокольнях города зазвонили колокола, а в комнату стремглав вбежала кормилица, красная как рак, и прохрипела: «Вернулся святой Йорген! Вернулся святой Йорген!»

За ней примчались Тимофилла с Розой и тоже сказали, что святой Йорген вернулся.

Толпы людей сбегались на площадь. Сюда уже пригнали соборных быков и привезли на соборных телегах пиво. А вот пришел и сам grossмейстер, мрачный, злой, и подтвердил, что святой Йорген действительно вернулся и теперь ждет свою невесту.

Олеандра стояла словно громом пораженная. Она смерила отца с головы до пят презрительным взглядом и сказала:

— Кто-то из нас сошел с ума: либо я, либо все вы!

— Ты не пойдешь? — спросил озадаченный grossмейстер.

— Ни за что! — гневно воскликнула Олеандра и в сердцах швырнула на пол свой свадебный букет.

— Ну что же теперь делать? Что делать? — бормотал гроссмейстер.

В это время к подъезду подъехала брачная карета в сопровождении факельщиков и музыкантов. На площади стояла огромная толпа народа, ожидая выхода невесты.

— Отец, отец! — вдруг заявила Роза. — Я видела его, дай мне фату и венец... Я поеду!

— Ах, Роза, Роза! Что ты делаешь? — закричали девушки.

— Не бойтесь, от этого не умирают, — упрямо сказала Роза.

— Ты останешься здесь! — вдруг возмутилась Олеандра. Она резко повернулась, открыла свой рабочий столик, достала оттуда красивый кинжал с рукояткой из слоновой кости и спрятала его на груди.

— Дайте мне мой букет, — властно приказала она.

— Ты пойдешь? — спросил гроссмейстер.

— Пойду. Я хочу посмотреть на него.

— А что... если... он святой Йорген?

— Я останусь с ним, — твердо сказала Олеандра.

— Ну, а если он... обманщик?

— Значит, получит по заслугам! — молвила она и показала кинжал.

Через несколько минут вся Брачная аллея огласилась приветственными возгласами горожан и паломников. Это Олеандра ехала в собор к своему жениху.

А гроссмейстер долго еще стоял на каменном крыльце своего дворца и смотрел вслед дочери:

— Господи, что же все это значит?

Святой Йорген наелся, напился, принял ванну, призвал к себе господ первосвященников, отобрал у них ключи и отослал всех по домам, а сам в ожидании невесты стал обходить со связкой ключей помещения собора.

Теперь весь собор принадлежит ему. Он завоевал его. Но что ему делать с этой добычей — Микаэль не знал.

Пока длился праздник святого Йоргена и паломники жили в городе, он мог спокойно наслаждаться всеми преимуществами своего нового положения. Но вот поселиться здесь навсегда, разыгрывая роль святого, вернувшегося домой после трехсотлетнего отсутствия, — это будет посложнее.

Да и зачем ему это? Он наказал негодяев первосвященников, разбил лоб капеллану, опозорил капитул в глазах верующих и одурачил весь город.

Что ему еще надо?

Сейчас он безраздельный хозяин собора. А все, что будет потом, его так же мало волнует, как прошлогодний снег. Он взял фонарь и пошел по собору, заглядывая в каждый придел, в каждый угол.

Прежде всего Микаэль спустился в подвал: ой, как здесь холодно и мрачно. Рядами стоят бочки с медом и вином. Весь пол залит вонючей сладковато-кислой жижей.

А это что такое? Старая, грязная, пропитанная вином тряпка. Он поднес ее к фонарю... и едва поверил собственным глазам. Но ошибиться было невозможно... Вышивка... Узор... Да, то был старый плащ святого Йоргена, разорванный на тряпки и сгнивший в винном погребу!

Микаэлю стало и весело и страшно от этого безмерно наглого кощунства: десятки тысяч бедняков отдавали свои последние жалкие гроши и проходили многие сотни километров, чтобы только преклонить колена перед этой тряпкой, приложиться к ней... и вот!!

Потом Микаэль спустился в подвал, где хранились несметные сокровища собора. Грудами лежала серебряная утварь, принесенная в дар чудотворному плащу: подсвечники, светильники, блюда, чаши. Здесь же стояли два бочонка, наполненные золотыми монетами: деньги, взимаемые с народа во имя Йоргена.

Эти бессовестные мошенники грабили спокойно и расчетливо целые поколения бедняков, чьим потом обильно

полита каждая монета и чьи простодушные молитвы превращались в золото и серебро.

Он вошел в кладовую; вдоль стен громоздились сыры, а под потолком рядами висели окорока. Из кладовой дверь вела в ризницу. Чего здесь только не было: старые, позеленевшие от времени, изогнутые рога, потрепанные и изорванные балдахины, изъеденные молью сутаны, покрытые плесенью брыжи...

В углу стоял старинный шкаф из камфарного дерева. Микаэль с трудом открыл его... Так и есть: в нем висели два новеньких с иголки плаща с пятнами крови и всем прочим! Хоть сейчас надевай их!

Язвительная улыбка, которая все время играла на губах Коронного вора, вдруг превратилась в злую гримасу, исказившую его лицо, а сердце забилося быстро, быстро...

Он глубоко вздохнул и отправился в соборный архив, в святая святых этого божьего храма... Там, судя по всему, хранились подлинные документы о подлинном Йоргене, старинные священные пергаменты. Микаэль долго рылся в ворохе всяких бумаг, но не нашел даже малейшего упоминания о своем предшественнике. Тут были лишь старые счета, закладные, векселя, купчие, квитанции, географические карты, планы дорог, счета за соборные трапезы, и опять купчие, векселя, и все эти бесценные рукописи освящала знаменитая соборная печать, на которой был выгравирован плащ святого Йоргена и семь больших орлов.

Взгляд умных глаз Микаэля вдруг стал холодным и острым: господи, ведь иначе и быть не могло! И все-таки как странно увидеть это своими собственными глазами! Собор святого Йоргена — это просто концерт, крупное финансовое предприятие. А архив — нечто среднее

между помещицьеі конторой и конторой биржевого маклера.

Один из этих важных господ зачал его, Микаэля, а потом выбросил из родного города, осудив на вечную нищету и позор. Ну что ж, он их так проучит, что они вовек не забудут.

Микаэль поднялся на колокольню, где два пьяных звонаря, поминая и бога и черта, изо всех сил били в колокола. Священный благовест разносился по улицам и переулкам, настраивая верующих на торжественный лад.

Ночной воздух освежил Микаэля.

На площади весело пылали костры. Ладно, он вырвет народ из когтей этих семи хищных орлов...

На Брачной аллее богомольцев было словно сельдей в бочке: они пришли сюда, желая посмотреть, как невеста проследует к собору в сопровождении факельщиков и подружек.

Сначала Микаэля вся эта брачная комедия раздражала, ибо мешала осуществлению его замыслов. Но потом это стало даже забавлять его как еще один веселый номер в обширной программе йоргеновских торжеств. А когда он узнал, что его невестой будет гордая Олеандра, дочь самого гроссмейстера, сердце его затрещало от злобной радости: «Пусть господа первосвященники пройдут и через это унижение, так им и надо! И потом, если эти высокородные мошенники взяли на себя заботу о продолжении рода его простодушного деда, то почему бы ему, Коронному вору, не позаботиться о потомстве гроссмейстера? Долг платежом красен».

На площади Йоргена загрела музыка, заиграли флейты, зазвенели колокольчики, раздались приветственные возгласы. Брачная колесница тронулась в путь.

«Пусть едет,— думал Микаэль, сжимая кулаки,— пусть едет! О бедный дед мой, ты будешь отомщен за свой позор и страдания. А грессмейстера мы сегодня же ночью сделаем дедушкой!»

Посмеиваясь про себя, веселый и бодрый, он снова спустился в собор и неожиданно повстречал старого седого сторожа, маленького и смиренного человечка, который крадучись выходил из Брачного покоя, где он зажег свечи и приготовил роскошное брачное ложе для Олеандры и ее вернувшегося из странствий жениха. То был старый Коркис.

Микаэль стоял в дверях; сердце его сжалось, и он уже протянул руки...

«Дедушка,— едва не вырвалось у него,— неужели ты не узнаешь меня?»

Но слова замерли на устах.

Маленький человечек почтительно склонился перед великим святым. Какое-то мгновение он смотрел на Йоргена своими наивными старыми глазами, испытывая такое благоговение и восторг, что ничего не видел и не узнал, что перед ним стоит Микаэль, его внук, одетый в священнический плащ, владыка города и собора.

И старый сторож исчез.

«Пусть уходит,— сурово подумал Микаэль.— Несмотря на всю свою душевную чистоту, он был и остается жалким, приниженным бедняком, который ползает и пресмыкается перед сильными мира сего. Но в моих жилах течет кровь первосвященников; я, отверженный сын соборного капитула, займу сегодня ночью принадлежащее мне по праву

место, даже если мне придется поплатиться за эту жизнью».

Музыка звучала уже возле самой рощи, как вдруг дверь открылась и в комнату проскользнул Франц. Он совсем ошалел от радости и бросился обнимать Коронного вора, заливаясь диким беззвучным смехом. Потом, не выпуская Микаэля из своих объятий, пустился в пляс по празднично освещенному залу.

Франц, благодаря своему чудесному исцелению, стал чрезвычайно популярной фигурой среди паломников. Каждый хотел подойти и потрогать его исцеленную ногу, каждый хотел угостить его, и когда он пробрался наконец в собор, то был уже изрядно навеселе.

Чудо, как вино, ударило ему в голову; бедный Франц был глуповат и туповат, а тут он пришел в такой восторг от самого себя, что совсем рехнулся.

— Понимаешь, я костыли о землю — бряк! А богомольцы все, как один, на колени — хлоп! — повторял он без конца, заливаясь самодовольным, хвастливым смехом. — Сегодня же ночью надо пробраться в сокровищницу. Там лежат девять бочек с золотом. — В глазах Франца сверкнула алчность. — Четыре бочки возьмешь себе, а пять — мои.

Микаэль с отвращением смотрел на этого тупого и грязного негодяя, еще недавно трусливого, как овца, а теперь жадного и нахального, как свинья. Ведь все его мечты, мечты о грядущем величии, почти сбылись, он совершил почти невозможное, и вдруг из грязи прошлого вылезает этот неотесанный болван, который знает только одно:

Вору с вором по дороге,
коль свернешь — протянешь ноги.

Он попытался образумить Франца. Не тут-то было! Свадебная процессия уже в роше? Отлично, чем скорее они приедут, тем лучше. Что, Микаэлю нужно остаться здесь? Франц тоже останется. И собор и плащ по праву принадлежат им обоим, и Франц не даст обвести себя во-круг пальца.

Под конец Франц так обозлился на Микаэля, что сорвал с него плащ, и оба, сцепившись, покатились по полу. Однако Микаэль был сильнее. Он сдавил Францу горло, и Поджигателю пришлось капитулировать.

— Я ухожу, но берегись, Коронный вор, берегись, если тебе дорога жизнь. Завтра я буду ждать тебя на площади. Твоя жизнь в моих руках. Подумай хорошенько! Стоит мне указать на тебя пальцем, и тебя моментально вздернут на виселицу, хотя бы и мне пришлось болтаться рядом с тобой.

И Франц исчез.

Микаэль остался один, негодующий и встревоженный.

«Делить победу с этим разбойником?! Зависеть от этого жадного негодяя? Ни за что на свете! Лучше завтра же быть низвергнутым во мрак, но сначала испить до конца всю сладость победы над врагом! А потом пусть придет смерть, которой так боится Франц...»

А флейты звучали уже совсем близко. Роша дрожала от восторженных криков. Вот невеста вышла из кареты и стала подниматься по лестнице, нежные голоса девушек провожали ее свадебной песнью.

Да, его невестой была самая гордая девушка в городе, ее свита состояла из дочерей самых знатных семейств. Свистели флейты, звонили колокола, пылали факелы, ликовали паломники.

Это был триумф всей его жизни, столь богатой печалью и столь бедной радостями.

Невеста Йоргена младая,
на ней одежда золотая.
Она вступает в храм святой,
лицо скрывая под фатой...
На землю падает роса,
уж розовеют небеса...

Подружки стояли в главном зале вокруг невесты и пели.

А вот появился и сам святой Йорген, на устах его играла улыбка, руки были сложены на груди.

Но улыбка эта скрывала напряженную работу мысли.

Когда Олеандра вошла в зал, Микаэль остолбенел. Боже милостивый! Он-то думал, что его невеста, этаким неоперившийся птенчик, трепеща от волнения и залившись краской стыда, тотчас же упадет к его ногам. А вместо этого перед ним стояла, плотно сжав губы, молодая, умная и уверенная в себе девушка. Олеандра была бледна и казалась еще бледнее в своем белом подвенечном наряде. Однако ее холодный испытующий взгляд неотступно следил за ним.

И тогда он снова обратил насмешливый взор на подружек невесты, которые пели и украдкой посматривали на него из-за нотных тетрадей. Но как только девушки встречали его лукавый пристальный взгляд, они тотчас же краснели и закрывали лицо нотами.

И все время он чувствовал на себе взгляд Олеандры, гордый, испытующий и твердый. В этом взгляде светилось сомнение, спокойное, мудрое сомнение,— его-то он и боялся больше всего.

Девушки смолкли.

— Браво, браво! — воскликнул святой и попросил девушек пропеть еще раз последний куплет. У него распирало грудь от счастья при виде этих светившихся восторгом девичьих глаз, синих, карих, черных и голубых. Ведь это были знатнейшие девицы в городе, дочери первосвященников, и они пели, чтобы доставить ему удовольствие. Они краснели от смущения, и стоило ему пожелать, как они снова пели тот или иной куплет. Потом он обошел их всех, приветливо наклонив голову, благодарил, трепал по щечке, по подбородку и расспрашивал, как кого зовут. Девушки называли себя по имени, а Микаэль думал о том, что в течение многих лет при одном воспоминании об этих именах он злобно скрипел зубами.

— Прекрасно, прекрасно, милые дети! Благодарю вас! — говорил Микаэль, провожая девушек до дверей, и все это время чувствовал на себе пристальный взгляд холодных, серых, полных сомнения глаз Олеандры.

Ворота захлопнулись. Собор был закрыт на все засовы и запоры. Микаэль и Олеандра остались одни. Микаэль уже решил, что ему делать дальше. Он спокойно прошел в свою спальню мимо Олеандры, холодной и настороженной... Через несколько минут он вернулся обратно в длинном до пола, белом праздничном облачении первосвященников. Спокойный и непроницаемый, он величественно поклонился своей высокородной невесте.

— Ваше святейшество!

Олеандра впервые покраснела, услышав свой новый титул, и впервые потупила глаза, пораженная этой почти официальной, ледяной учтивостью, столь не похожей на его бесцеремонное обращение с девушками.

— Ваше святейшество!
Мое странствие по земле бли-
зится к концу... к благополуч-
ному концу... к счастью!

Она снова взглянула на
него, на этот раз с изумле-
нием. Кто он — святой или
обманщик? Он весь словно
окутан каким-то загадочным,
непроницаемым туманом. Оле-
андра никогда еще не встре-
чала таких людей, как он.

— Ваше святейшество! На
этой горе мне однажды на-
несли великую обиду... (Но...
неужели это... святой Йор-
ген?!) И если я, несмотря ни
на что, вновь вернулся в род-
ной город, то сделал это ради
восстановления чести своей и
своего рода... прежде чем бу-
дет окончательно завершен
мой земной путь.

(Олеандра не могла даже
на миг заглянуть в темную
бездну этой загадочной души.
Что это? Угроза? Сердце гулко
стучало в ее груди.)

— Если род мой будет
продолжен в самом знатном
роду Йоргенстада, тогда я
со спокойной душой смогу по-
кинуть вас навеки, обретя спо-

койствие и зная, что честь моя восстановлена. Я призвал вас сюда, ваше святейшество, для того, чтобы вы стали матерью моего ребенка и дали ему славное и честное имя.

Словно ледяные ножи пронзили девственную душу Оландры. Бледная как смерть, смотрела она в эти стальные глаза. Не было никакого сомнения в том, что каждое его слово — истинная правда, хотя слова эти причиняли ей острую боль. Конечно, то был сам Йорген.

— Вы поняли меня, ваше святейшество?

— Да,— прошептала она хрипло. Ее колени дрожали, от прежней твердости не осталось и следа.

— И вы, ваше святейшество, согласны стать матерью моего ребенка?

Ее губы беззвучно зашевелились.

Он все еще смотрел на нее в упор.

— Да,— прошептала она и вдруг ощутила во всем теле какую-то странную легкость и одновременно блаженную сла-

бость. Ей казалось, что он уже стал ее мужем, и слова его стерли самую интимную грань между ними.

Ее глаза закрылись, голова бессильно упала на грудь.

Микаэль бережно обнял ее, обнял с каким-то новым для него чувством огромной всепоглощающей нежности к этой сильной и гордой душе, которая отдала ему себя так всецело и беззаветно. Он поцеловал ее и прошептал:

— Олеандра, твоя кровь вольется в мой род. Твоя красота будет вечно сиять на лицах моих потомков. Пусть же они смотрят на мир твоими умными глазами, пусть будут такие же сильные духом, как ты.

Она неподвижно лежала в его объятиях и вдруг прижалась к нему так крепко, что сама испугалась, и чтобы прогнать свой страх, она прижималась к нему все сильней и сильней... а он взял ее на руки и унес в Брачный покой.

3

УТРО СВЯТОГО ЙОРГЕНА

треннее солнце весело заглядывало в Брачный покой, играя на расписанных фресками сводах. Коронный вор проснулся.

Он приподнялся и долго смотрел на спящую Олеандру, глубоко вдыхая воздух всей своей могучей грудью. На груди его была красная татуировка,

изображавшая восходящее солнце. Оно напоминало ему о привольной юности, о веселой жизни среди бродячих актеров и циркачей. Это солнце на его груди наколола однажды своими острыми инструментами маленькая китаянка.

Теперь китаянка была забыта, забыта и принцесса Пармская, очаровательная истеричка. И вот он сидит, склонившись над спящей Олеандрой, такой сильной, гордой и в то же время такой доверчивой и нежной.

Да, он был пленен, пленен навеки,— кончилась его свобода. С ним случилось то, во что он никогда не верил.

Все его чувства, все мысли, вся страсть его души и каждый удар сердца — все тянулось, летело, стремилось и взывало к ней, восторженно, жадно, неодолимо, радостно и властно.

В его необузданной, очерствевшей душе, душе бродяги, пробудилось что-то новое, словно вдруг забил горячий источник неиссякаемой нежности... нежности к ней одной...

Все грязное, уродливое и мерзкое осталось в прошлом, настоящее было прекрасно.

Жажда мести, которая столько лет жгла его душу ненавистью и злобой, вдруг утихла и стала казаться ему нелепой, ненужной и пустой.

Уныние, усталость, разочарование, которые совсем недавно заполняли каждый уголок его души, казались ему теперь чем-то непостижимо бессмысленным... и уносились из его памяти, словно увядшие осенние листья.

Новое, могучее тепло струилось по его жилам, и он все смотрел и смотрел, очарованный этой красотой, этой мудрой нежностью и великой доверчивостью, этой пленительной юностью с румянцем на щеках, которая лежала рядом с ним, подарив ему всю свою веру и любовь.

Юность его прошла среди жалких, надломленных людей, холодных и бессердечных, на них он растрачивал силу и жар души и ничего не получал взамен: они лишь жадно высасывали из него жизненное тепло. Никогда еще ему не возвращали того, что было рождено пламенем его сердца и ума... а она вернула, — полно, щедро и обильно, она, такая нежная, доверчивая и прекрасная.

Олеандра проснулась. Вернее, чуть приоткрыла глаза, незаметно перенеслась из прекрасной почной грезы в прекрасную грезу дня и устремила на него свой взгляд, унываясь его красотой, силой, мужественностью и нежностью...

Она смотрела на него радостно и бездумно, просто смотрела и улыбалась, и не было ничего, кроме ее счастья, любви и безграничного доверия к тому, кто сидел перед ней. На его могучей мускулистой груди багровело солнце. Она ласкала и целовала это красное солнце ночью, при свете восковых свечей... пока в Брачном покое не догорел последний огарок...

Олеандра лежала. Микаэль сидел. И взоры их, согретье затаенной нежностью, были прикованы друг к другу... бездумно, безмолвно. И так же безмолвно, охваченные одним могучим желанием, они сливались воедино... и потом — подобно тому как две прекрасные розы-сестры, растущие бок о бок на одном кусту, часами смотрят с затаенной нежностью друг на друга, трепеща под порывом южного ветра, словно они одни в целом мире, — они отдыхали друг подле друга после вспышки великой страсти...

— Йорген, — прошептала Олеандра.

— Да?

— Йорген, — смущенно повторила она.

- Я слушаю тебя.
- Я должна сказать тебе кое-что.
- Так говори же, глупенькая.
- Ты не рассердишься, Йорген?
- Обещаю тебе.
- Мне очень стыдно.
- Почему?
- Но я все равно скажу.
- Так говори же.
- Йорген!
- Да?
- Я думала вчера, что ты обманщик.

Микаэль вздрогнул. Она неправильно поняла его и умоляюще схватила за руку.

— О, не сердись на меня, Йорген. Слышишь! Слышишь! Не сердись. Я не могла не сказать тебе.

— Но почему же ты сомневалась? — спросил Микаэль после долгого молчания.

— Да потому, что вчера я еще слушалась рассудка.

— Где же теперь твой рассудок?

— Не знаю, и не все ли равно.

Ее серые глаза, еще вчера такие холодные и испытующие, сегодня сияли небесной чистотой, любовью и доверием.

В эту минуту над ними зазвонил соборный колокол, зазвонил с такой силой, что был слышен скрип балки, на которой он висел.

Коронный вор вскочил как испугнутый зверь.

Злым, холодным ветром налетело и захлестнуло его прежнее чувство безнадежности и дерзкого презрения к смерти и уверенно заполнило все уголки его души.

Слова Олеандры поколебали его светлую мечту, колокол разбил ее вдребезги. Он гремел своей темной медью и обволакивал тьмой его нежность, его счастье. Ложь, обман, измена, казнь, ненависть, месть, бегство — вызванивал колокол. Пробуждение было таким горьким, что он даже пожалел о своем мимолетном счастье.

— Соборная невеста! Спасибо за все! — крикнул он, поцеловал Олеандру и прыгнул на пол.

— Йорген! — испуганно воскликнула она, села на постели и устремила на него пристальный взгляд, словно хотела заглянуть ему в самое сердце. — Ты уже уходишь?

— Я и сам не знаю, сколько еще пробуду здесь.

— Куда бы ты ни пошел, я всегда буду с тобой! — взволнованно сказала Олеандра.

— Тебе будет слишком трудно, — ответил он, поморщившись.

— Пусть трудно, только бы мне быть рядом с тобой, — отвечала она.

В груди Микаэля бушевала буря. Он был потрясен тем безграничным доверием, которое светилось в ее глазах.

Микаэль в упор смотрел на нее. За доверие он должен платить доверием, иначе нельзя. Но может ли он довериться ей, поймет ли она его?..

Он все смотрел и смотрел на нее, и она отвечала ему открытым взглядом, полным беспредельной нежности, а колокола звонили, и бились сердца, отдаваясь в сплетенных любовью руках...

Но сомнение снова победило: что за дело ей, дочери гроссмейстера, до жалкого паяца! Ведь она любит не его, а святого Йоргена!

А колокола все звонили: «Мечь! Мечь! Мечь!» Йоргенстад просыпался, начинался новый день, быть может, последний в жизни Коронного вора. В рошу уже стекались первые паломники; каждый хотел занять место поближе, чтобы получше разглядеть святого, который проедет здесь в соборной карете. Вон идут и господа перво-священники: им нужно подготовиться к шествию.

Прочь раскаяние и всякие сантименты! Довольно хныкать о прошлом. Он гордится тем, что он — Коронный вор, мошенник, проникший в святая святых этого дурацкого собора! Гордится тем, что завоевал самую знатную девицу города, как охотник, затравивший редкую дичь.

Он весело накинул на плечи плащ святого Йоргена: вперед, смело вперед. Его ждет триумфальное шествие в ярком сиянии дня... и, быть может, вечная ночь.

— Йорген, можно мне с тобой? — спросила Олеандра побледнев.

Он быстро повернулся к ней и воскликнул, словно в порыве беспечной и дерзкой влюбленности:

— Куда хочешь и когда хочешь, моя красавица!

И взгляд ее тотчас же засветился радостью счастливой любви. Она спрятала лицо на могучей груди святого. Потом распахнула плащ и поцеловала красное солнце.

ФРАНЦ

А Франц всю ночь ходил вокруг собора, подкарауливая Коронного вора. Он жил теперь, как сова: днем прятался, а ночью бодрствовал, выискивая добычу.

Коронный вор решил надуть его, — в этом Франц больше не сомневался. Вся эта кутерьма с соборной

невестой нужна ему лишь для отвода глаз. Девушек много, хоть пруд пруди. Да уж если на то пошло, Франц не младенец. За четверть часа Коронный вор мог отлично справиться со своей невестой... Успокоил бы кровь... а там можно обчистить и соборные подвалы...

Все ясно. Пока город спит, откроется одна из соборных дверей и Коронный вор попытается улизнуть с соборным золотом. Ночной туман скроет его от посторонних глаз, и он, никем не замеченный, спрячет сокровища в надежном месте.

Но тут он и попадетсЯ: Франц начеку. Он выйдет из засады и скажет: «Погоди, приятель! Ведь мы работали вдвоем!»

Скоро начнет светать, а Коронного вора все нет да нет. Проходят драгоценные ночные часы, когда так удобно обдѣлывать всякие темные делишки, а Франц, голодный и продрогший, еще шныряет вокруг собора. Он устал и прокинает своего коварного друга, этого лживого скomorоха. Он, видно, и впрямь заснул! Или он хочет, чтобы его захватили прямо в соборе, когда рассветет? Малый он смелый, ничего не скажешь, но это уже нахальство...

Наступило утро. Появились слуги и выкатили во двор соборную карету. Вот господа первосвященники; они готовятся к шествию Покаяния, а вот и первые паломники: они торопятся занять места получше, чтобы увидеть, как святой выедет из собора...

Франца трясло будто в лихорадке, и он не спускал глаз с окон Брачного покоя... Вдруг в одном из окон появились две головы: это были Коронный вор и соборная невеста!

Оказывается, он и в себе не дует! Какая наглость!

Франца бросило в жар. Он посмел! Посмел пролезть в общество порядочных людей! Не страшась дневного света! Этот мошенник! А ведь он ничем не лучше Франца! Такой же бессовестный плут!

Франц пришел в такую ярость, что у него задрожали руки и губы, и он все пытался уразуметь, как это Микаэль посмел... Но сколько Франц ни думал, понять этого он не мог. Он лишь стоял и глазел на собор, разинув рот...

И тут его охватила дикая, слепая злоба к этому человеку, который предал его. А ведь без Франца ему бы никогда не залететь так высоко, не попасть в мир порядочных людей... Он оказался выше Франца и теперь знать его не хочет, топчет его ногами. Думает, это сойдет ему с рук, — как бы не так! Франц знает его

тайну, его жизнь в руках Франца, и еще посмотрим, кто кого...

Франц бросился к слугам.

— Это соборная карета?

— Да, соборная карета.

— И он в ней поедет?

— Кто он? Йорген? Ну конечно, поедет.

— Куда?

— К источнику.

— По какой дороге? — Они не знают.

— По Брачной аллее?

— Неизвестно.

— Но Соборному переулку?

— Неизвестно.

— Но к источнику?

— Да, через площадь.

— Через площадь Йоргена?

— Да, там отпрягут быков.

— Отлично! — Франц потирал руки. — Значит, через площадь, площадь Йоргена!

И Франц поспешил на площадь. Там он встретит Коронного вора и поговорит с ним по-свойски. Дескать, согласен или не согласен? Да или нет? Тут уж он по-другому запоет, мерзкий негодяй! Обманщик! Скоморох паршивый!

На углу Разбойничьего переулка он залез на стоявшую там телегу какого-то паломника. Здесь они и проедут. Народ уже сбегался со всех сторон.

Йорген, Йорген, Йорген! Это имя было у всех на устах. Люди только и говорили что о Йоргене.

Прибежали Клаудина с матерью; жалобно причитая, они кричали:

— Отец, отец, где отец?

Из погребка «Праведный паломник» послышалась громкая ругань, и оттуда выволокли крестьянина, раздетого и мертвецки пьяного. Он что-то бормотал, держа в руках колоду карт. Девушки выбросили ему вслед один сапог.

Жена всхлипывала, Клаудина ревела. Паломники радостно гоготали.

— Этакий дурак, дал обобрать себя до нитки. В этом мире на бога надейся, а сам не плошай!

Франц не оплошает! От него так просто не отделаешься! Вот он стоит здесь, и стоит крепко! Коронному вору придется раскошелиться! Ишь ты, ворона в павлиньих перьях! Ну ничего, обциплем его маленько, тогда узнает, где раки зимуют!

Но вот и он! Едет! Все вытягивают шеи, Франц не верит своим глазам, не верит ушам своим! Что же это такое? Буря приветствий! Все словно обезумели!

У Франца зародилось мрачное предчувствие. Кажется, уже поздно. Видно, этот плут, этот комедиант не терял времени даром. Неужто у него такая власть над людьми? Или он околдовал весь город?

Вот шествие движется через переулок Капитула, через переулок Роз, поворачивает в переулок Первосвященников, и, заглушая отдаленные крики ликующей толпы, уже громко звучат фанфары.

Демоны зависти и злобы, дремавшие в душе Франца, словно с цепи сорвались и завладели всеми его помыслами. Его глаза вспыхнули ненавистью; он заскрежетал зубами, весь сжался, а потом вдруг выпрямился, как пружина:

— Я погублю его, погублю, хотя бы меня самого... меня самого...

Это было нечто грандиозное, невиданное и неслыханное... Такой бури восторга город еще не знал.

Отворились огромные кроваво-красные ворота с драконами, и на площадь вышли первосвященники во главе с гроссмейстером. Над гроссмейстером колыхался балдахин, первосвященники, в рубище, посыпав пеплом головы, мерно шагали под скорбные звуки траурного марша. А за ними в соборной, празднично убранной карете, запряженной четырьмя белыми священными быками, сидел сам святой Йорген со своей благословенной супругой... Их озаряли ослепительные лучи восходящего солнца, а вокруг бушевало великое людское море... Тысячи и тысячи паломников кричали, глядели, ждали...

Впереди всех, тесно прижавшись друг к другу, стояли знаменитые проповедники. Вот Лёнборг из Форбю; когда он произносит проповедь, голос его дрожит от рыданий. Вот Туре Туресен, который изрекает горькие истины, изящно скривив губы. Вот Петер Томмельман, сын торговли яблоками из Туттенструпа, легко впадающий в экстаз и зрящий небесную обитель даже сквозь железную крышу. Вот кроткий старый Сневе, такой краснойбай, что, послушав его, миряне уже не могут отличить черное от белого! А вот Гудмун Хэрренсфред, на него всегда большой спрос, зато он и взимает немалую мзду: это великий мастер говорить гадости языком библейских пророков. Вот Топман; у него из-за воротника всегда торчат несколько соломинок, и потому он слывет правдоискателем. И наконец, «сладчайший Петер», как его называют; он

причесывается на косой пробор, тщательно повязывает галстук и считается воплощенной добродетелью.

Проповедники привыкли держаться с большим достоинством, они никогда не орут и не изумляются по пустякам. Но и у них глаза вылезли на лоб от удивления и ужаса, когда они увидели того, в чье возвращение так беззаветно верили, исходя из внутреннего убеждения, что он никогда не придет! А он пришел!!! И вон он сидит в карете, живой и здоровый! Их щеки побелели как мел, губы дрожали, почтенные бороды тряслись. Руки тоже дрожали, словно искали, за что бы ухватиться.

А богомольцы орали, не жалея глоток; они выли и вопили до иступления, до умопомрачения, оглушали друг друга и снова кричали, славя святого Йоргена, его благословенную супругу, золоченую карету, священных быков, господ первосвященников и опять святого Йоргена и его священный, чудотворный, замечательный, запятнанный кровью шелковый плащ, отливающий на солнце то зеленым и коричневым, то голубым и фиолетовым.

Из Соборной роши процессия вышла на площадь Капитула, посреди которой возвышался позорный столб; а тут новые толпы людей, которых было как сельдей в бочке, новые ряды, новые шеренги. И снова неслись иступленные крики, снова паломники размахивали руками и посохами! А к небу поднимался громовый рокот людской толпы, медленно расступавшейся перед торжественной процессией.

— Дорогу, дорогу! — кричали соборные герольды и скороходы в пурпурно-красных одеждах.— Дорогу святому Йоргену, дорогу святой соборной невесте, дорогу святому соборному капитулу! Дорогу священным быкам!

Над людским морем, заполнившим переулочек Капитула, мерно колыхался балдахин гроссмейстера. За гроссмейстером уныло плелись нервосвященники, посыпав главу пеплом и распевая древний покаянный псалом:

Святого гнали мы, как вора;
теперь нас жжет клеймо позора.
Грядем к ручью мы Утешенья,
чтоб смыть в нем наши прегрешенья,

Всего было двенадцать строф; старые паломники знали все слова наизусть и обычно подпевали. Но сегодня никто не прислушивался к тому, что поет соборный капитул, никто не внимал с благоговением соборной музыке. Все лица были обращены в одну сторону, все глаза смотрели в одном направлении: на карету, соборную карету, которая медленно плыла по людскому морю, сверкая позолотой.

А над волнующимся морем фанатического, безумного экстаза, в золоченой карете, возле увенчанной миртами Олеандры восседал Коронный вор, величественный и лукавый. Он ласково улыбался и кивал направо и налево, но каждый его нерв вибрировал от напряженного внимания, с которым он следил за всем происходящим, а сердце тревожно стучало и ликовало.

В карете под задним сиденьем лежало два бочонка с золотом; он захватил их с собой так, на всякий случай, хотя, в общем, ему ничто не угрожало... пока. Залогом его безопасности были святой чудотворный плащ и сидевшая рядом с ним Олеандра, самая знатная девица в городе, — ведь все знали, что он провел с ней ночь. Могуущественнейшие вельможи города смиренно и покорно шли перед каретой, а религиозный экстаз богомольцев, ставший

главным козырем в его игре, достиг такой силы, что даже у Микаэля дух захватывало.

Вопли восторга были столь оглушительными, толпа выла и редела с таким упрямым усердием, что от этого можно было сойти с ума. Казалось, все самые яркие краски и самые мощные звуки, самое пылкое восхищение и восторги со всех уголков земли сосредоточились на нем, как лучи в фокусе линзы. На его месте любой другой смертный смиренно ступешался бы, замахал руками, закрыл глаза, заткнул уши и закричал:

— Остановитесь же, довольно! Это уж слишком! Я недостойн такой чести!

Однако Коронный вор был старый комедиант. Он привык к лицедейству не меньше, чем какой-нибудь священник или епископ. Как кот на солнце, он с наслаждением шурился, глядя на бесновавшуюся от восторга толпу. Он знал, что во всем этом реве нет ни единой маломальски искренней или разумной ноты, и простую поленницу дров они встречали бы не менее восторженными воплями, по для него лично этот религиозный экстаз был весьма важным и обнадеживающим обстоятельством.

Олеандра, напротив, была глубоко взволнована. Ее грудь высоко вздымалась. Влажными дрожащими руками она сжимала руки Йоргена. Никого из этих невежественных и наивных простофиль Олеандра не принимала всерьез, никого в отдельности. Но здесь был не один простофиля, а тысячи, десятки тысяч простофиль, целое море простофиль. И не где-нибудь там, далеко, а именно здесь, совсем рядом, и они окружали ее со всех сторон. Столько шума и гама, столько простофиль, радостно ревуших во всю глотку,— все это взволновало, потрясло, одурманило Олеандру. Она плыла по сияющему морю радости. Это был самый счастливый миг в ее жизни.

От волнения она побледнела как смерть. Когда толпы паломников снова смыкались за каретой, грохочущий вихрь на мгновение ослабевал и тут же вновь закипал тысячеголосым хором, который в сладостном опьянении распевал старинный гимн о плаще:

Добрый Йорген к нам пришел
нас спасти от бед и зол.

Словно по волшебству, безумный восторг толпы вдруг превратился в сладостное ощущение вечной правды и чистоты. Казалось, какая-то непостижимая сверхъестественная сила, какое-то великое чувство, большее, чем может вместить крошечное человеческое сердце, снизошло с небес и заполнило улицы Йоргенстада; это дух, который не обитает больше в чьем-либо сердце; обретя независимость, он теперь оживает на тысячах уст, в ликовании, устремленном к небесам, в молитвах, в рыданиях и плаче, в дрожи, пробегающей по спине, в звуках гимна, отдающихся далеко в горах.

Олеандра закусила губу и разрыдалась. Крупные слезы катились по ее щекам. О таком блаженстве она даже и не мечтала; она чувствовала себя слабой и ничтожной и в то же время испытывала облегчение, ибо сейчас она могла ни о чем не думать, а только чувствовать, только плакать, плакать открыто, не привлекая любопытных взглядов, плакать так, словно душа праздника и пламенный миг вечности слились в ее слезах.

А Коронный вор сидел прямой и невозмутимый. «Господи помилуй!» — презрительно цедил он сквозь зубы и смотрел на весь этот спектакль, как человек, который вынужден досмотреть его до конца.

Между тем шествие двигалось по переулку Капитула и миновало поворот у дворца главного секретаря; на

крыше «башни» сидели и медленно потягивали вино молодые кавалеры и девицы, разочаровавшиеся в жизни.

Внизу была невообразимая давка, толпа плотным кольцом окружила брачную карету и отделила ее от соборного капитула. Вопли и крики усилились. Балдахин раскачивался, словно паруса во время кораблекрушения. Быки ревели от страха и норовили стать на дыбы. Их выпрягли, и в мгновение ока убогие, калеки, хромые и горбатые, ликуя, впряглись в карету и поволокли ее дальше, словно восторг придал их изувеченным телам нечеловеческие силы.

Пиршество на «башне» прекратилось, бокалы опрокинулись. Кавалеры и девицы перевесились через балюстраду и во все глаза смотрели на то, что происходило внизу. Скептические улыбки быстро сбежали с их скупающих физиономий, и они уже мало чем отличались от паломников.

Пока Йорген был лишь теоретической проблемой, они спокойно отрицали его существование как чудовищную бессмыслицу. И вдруг они воочию видят его, живого и здравствующего, окруженного многотысячной толпой и приветствуемого криками радости и восторга. Вот когда просыпаются суеверие и невежество, прячущиеся под маской скептицизма, а перепуганный разум «цивилизованного человека» безоговорочно капитулирует перед фанатизмом дикаря.

Бледный как смерть, воздев к небесам руки, выбегает на улицу молодой вольнодумец Герман и бросается на колени перед каретой святого Йоргена.

— Историческая минута! — говорит Тимофилла, плача навзрыд.

Шествие поворачивает в переулок Роз, где Микаэль родился и вырос. Он не был здесь с того самого дня.

как его изгнали из города. Он поклялся тогда, что вернется победителем, и ныне мечта его сбылась. В его честь поют псалмы, его осыпают цветами с крыш и балконов.

Конечно, он предпочел бы свернуть на соседнюю улицу, ведь в переулке Роз многие могли узнать его. Но нет, шествие движется по своему обычному пути, мимо хорошо знакомых ему ворот и окошек. Вон стоит старая Лотта с торчащим вперед подбородком; седые букли сбились и закрыли ей правый глаз, она достает из своего синего передника гвоздики и бросает их святому. Вон стоит одноногий токарь... А вон там... Сердце Микаэля сжалось и затрепетало. За низеньким белым забором он увидел знакомый ему с детства садик с кустами роз, диким виноградом и большой фуксией. Его родной дом! Там ли сейчас его близкие? По садику идет старик, голова его трясется от старости. Его ведет седая женщина... Это они! Микаэль смотрит не отрываясь. Узнают ли они его? Ужаснутся? Иль молча взглянут на него, предчувствуя неминуемую развязку? Микаэль улыбается и кивает как ни в чем не бывало, но взор его по-прежнему устремлен на мать и деда. Вот они протянули к нему руки и... О, ужас! Старый Коркис, его дед, благороднейший и умнейший из людей, медленно опускается на колени.

— Господи, вот мне и довелось увидеть святого Йоргена,— плачет старик,— довелось увидеть чудо. Значит, не зря я прожил жизнь.

Никто не слышал слов старика, кроме его дочери Урсулы, матери Микаэля. Она заливалась слезами, плечи ее вздрагивали от рыданий, и, стоя на коленях, она простирала руки к нему, святому, который ехал через

их жалкий переулочек и возвещал о том, что благородство, подлинное величие и святость еще существуют на земле...

Коронный вор мог быть спокоен. Даже родная мать не узнала своего сына. Вот до чего непроницаемым был религиозный туман, застилающий людям глаза!

И Микаэлю стало горько и грустно. Ему показалось, что он — муха, попавшая в банку с клеем, и все эти толпы ликующих богомольцев — тоже клей, в котором он завяз и из которого будет не так-то просто выбраться.

Шествие свернуло на Аллею первосвященников.

Буря восторга бушевала все сильнее. Посреди площади Йоргена возвышалась статуя святого. Там стояли в ожидании новые толпы паломников. По всему склону горы, от площади до самого источника, куда ни бросишь взгляд, сплошной стеной стояли богомольцы. А вдали виднелся высокий холм с виселицей на вершине.

У самой статуи можно было разглядеть крестьянскую телегу, всю облепленную паломниками, а на телеге стоял Франц, разъяренный и выжидающий...

Нос у Коронного вора заострился и стал похож на клюв хищной птицы. «Погоди, любезный Франц,— думал он.— Как бы тебе не попасть впросак. И если дело у тебя не выгорит, я с удовольствием посмотрю, как вытянется твоя глупая рожа. А если выгорит, я с не меньшим удовольствием посмотрю на рожи этих идиотов. Им тоже придется не сладко, когда все узнают, кого они катали в золотой соборной карете. Вряд ли они вынесут такой удар, но ничего лучшего они и не заслуживают. От всего сердца желаю им всего самого плохого, и пусть меня разорвут на части. Итак, любезный Франц, давай потягаемся, кто кого!»

Разъяренный, взлохмаченный Франц стоял на телеге. Подавшись всем телом вперед, он потрясал в воздухе кулаками и рычал:

— Ну, сдаешься? Сдаешься? А? Ух ты Коронный вор!

Но из-за шума и гама его никто не слышал, а паломники распевали во все горло псалом:

Добрый Йорген к нам пришел...

Коронный вор, спокойный и улыбающийся, бросил на своего бывшего друга быстрый и весьма насмешливый взгляд. Уж этого Франц не мог стерпеть. Ненависть дала ему силы, и голос его загремел, как труба архангела в Судный день.

— Коронный вор! — завопил он с искаженным от злости лицом, указывая на святого Йоргена.

Громкий голос и всякие разоблачения всегда действуют на толпу богомольцев. Крик Франца привлек внимание; одни перестали петь, другие тут же принялись кричать «Коронный вор! Коронный вор!», не имея никакого понятия о том, кто Коронный вор и где он.

И хотя все упорно распевали псалом и в переулке Роз, и в Аллее первосвященников, и в Брачной аллее, и в Разбойничьем переулке, и возле источника, — на площади вдруг произошло замешательство и воцарилась странная тишина.

Словно два канатных плясуна, стоящих друг против друга на тонком канате с блестящими кинжалами в руках (вокруг — никого, внизу — бездна и смерть), Микаэль и Франц смерили друг друга взглядом.

И все вдруг увидели, как святой Йорген выпрямился во весь рост, мановением руки остановил шествие, повер-

нулся к бесновавшемуся Францу и ласково спросил, приложив ладонь к уху:

— Что нужно этому человеку?

Площадь замерла. Все вытянули шеи и вытаращили глаза. Однако Франц не привык привлекать к себе людские взоры; он сразу растерялся и ответил, заикаясь:

— Я спрашиваю, где Коронный вор?

— Коронный вор? — воскликнул святой Йорген, повернувшись к господам первосвященникам, которые с любопытством наблюдали эту сцену. — Как? Разве мошенник еще не пойман?

Франц понял маневр и до смерти перепугался, как бы Коронный вор не вышел сухим из воды.

— Я спрашиваю, — снова заорал он, — где Коронный вор?

— Да, где же он? — подхватил Тобиас.

— Так сказать вам? — надрывался Франц. — Сказать? Сейчас скажу!

— Так говори же наконец, — сказал святой Йорген с досадой, — говори, коли знаешь.

— Вот он, Коронный вор! — прогремел Франц, с диким хохотом указывая на святого Йоргена.

Олеандра и первосвященники содрогнулись от ужаса и сомнения.

Но святой Йорген молниеносно обернулся к гроссмейстеру и, указывая на него пальцем, насмешливо крикнул:

— Вот оно что, господин гроссмейстер! Вы мне за это заплатите!

Олеандра облегченно вздохнула. А гроссмейстер был так изумлен, что едва не упал. Между тем святой Йорген продолжал кричать на него:

— Так это вы, господин гроссмейстер, устроили мне весь этот спектакль? Ну, берегитесь, говорю вам. В прошлый раз вы изгнали меня из города камнями. Вчера вы хотели засадить меня в тюрьму, а сегодня пытаетесь выдать меня за вора! Когда же наконец вы образумитесь?

Внезапно он вперил взор в совершенно ошеломленного Франца.

— Господи, что я вижу?

Он смотрел на Франца так, словно вдруг напал на след.

— Стража! — крикнул он. — Хватайте этого человека! Живей! И держите покрепче! Не то он убежит!

— Пустите меня! — заорал Франц, схваченный стражниками. — Клянусь...

— Поднимите у него рукав на правой руке! — приказал святой Йорген.

Франц отчаянно извивался в руках стражников.

— Вы видите клеймо?

— Видим! Видим! — кричали стражники, задыхаясь от волнения.

— Так я и знал! Клеймо синее? Отвечайте!

— Синее! Синее! — вопили стражники, катаясь вместе с Францем по земле.

— Синяя змея? — спросил святой.

— Да, да! Синяя змея!

— Он заклеял! Осмотрите его лодыжки. Нет ли на них садин от кандалов?

— Есть! Есть!

— Тогда держите его как можно крепче! — вскричал святой Йорген. — Это Коронный вор! Сам Коронный вор, хитрая змея! Вот когда он попался в свои собственные сети!

— Это Коронный вор! — неслоь от одного паломника к другому.

Одни приходили в ужас и отступали назад, другие, напротив, проталкивались вперед, чтобы увидеть знаменитого разбойника. И все говорили о том, как святой Йорген остановился и сразу же обнаружил Коронного вора.

— Он исцеляет калек и карает мошенников! — повторяли паломники.

А святой между тем приказал:

— Держите его, вяжите его, вяжите крепче, чтобы он ни говорил вам, наставляемый самим дьяволом! Ведь

сколько раз приходила радостная весть: Коронный вор пойман! И сколько раз мы узнавали, что он опять бежал!

— Повесить его! — завопил старый Тобиас из Нокебю, побагровев от гнева.

— Что ты сказал, добрый паломник? — спросил святой, желая, чтобы все услышали его слова. Он предпочитал, чтобы роковой приговор вынес сам народ.

— Повесить, что ли, его, — повторил Тобиас уже более робко, как бы размышляя.

Тогда на помощь святому Йоргену пришли мальчишки, торгующие плащами.

— Повесить его! — завопили они. Больше всего на свете они любили отрывать лапки у пауков и смотреть, как вешают разбойников.

— Повесить его! — закричали, охваченные яростью, богомольцы.

— Да будет так! — милостиво изрек святой Йорген. — Вы сами осудили его. Стража! Немедля отведите его к виселице и повесьте! А мы спустимся к источнику и омоем руки в святой воде! Итак, продолжим шествие, господа первосвященники.

Заколыхался балдахин, заиграл соборный оркестр, и первосвященники снова двинулись в путь. И снова буря восторга всколыхнула людское море.

Но едва святой Йорген помог Олеандре выйти из кареты, как прибежал начальник стражи и почтительно доложил, что Коронный вор требует суда.

Святой несколько удивился.

— Суда? — спросил он. — А разве вы не осудили его?

— Конечно, осудили! — дружно закричали богомоль-

цы. Однако у некоторых возникли кое-какие сомнения на этот счет, и они заговорили о справедливости.

— Может, он хочет исповедаться перед смертью? — сказал старый Тобиас, причмокивая губами.— Ты бы и грехи ему отпустил, и допросил маленько,— добавил он и фамильярно ткнул святого Йоргена в бок.

Святой смерил старика довольно холодным взглядом, которого, однако, тот не понял.

— Ну что ж,— громко сказал святой.— Мы не откажем ему в земной справедливости. Приведите его ко мне. Пока соборный капитул совершает омовение в источнике, мы учиним Коронному вору строгий и беспристрастный допрос.

В это время подружки невесты окружили Олеандру плотным кольцом, забросали ее шутками и довольно прозрачными намеками. Между тем Коронный вор приказал страже привести связанного Франца к погребку «Праведный паломник».

ЗЕМНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

И вот перед Микаэлем стоял Франц со связанными за спиной руками, растрепанный, задыхающийся, окровавленный, мокрый от пота.

— Я требую суда! — злобно кричал Франц.

— Твои судьи здесь! — отвечал святой, показывая на толпу.

— Можете повесить меня,— кричал Франц,— но сначала судите меня по справедливости.

— Вот стоят твои ближние, которых ты обижал и грабил,— с достоинством изрек святой.— Они знают все

обстоятельства дела и будут судить тебя по справедливости.

— Пусть меня передадут в руки властей,— отчаянно вопил Франц,— в руки правосудия.

— Я и есть власть. Поскольку собор — мой, значит я — правосудие, земная справедливость. И если у тебя есть, что сказать в свое оправдание, говори, и тогда мы вынесем свой приговор.

Франц огляделся: всюду kloкочущее гневом людское море. Рассвирепевшие богомольцы! Пешки в руках Коронного вора! Ни проблеска надежды. И тогда он покорился обстоятельствам и попросил разрешения побеседовать со святым с глазу на глаз.

— Смотри, Йорген,— закричал Тобиас, весь дрожа от усердия,— как бы он тебя не провел!

— Не беспокойся,— отвечал святой Йорген,— меня не проведешь.

Он велел стражникам отойти подальше, толпа образовала вокруг них широкий круг, и Франц с Микаэлем как бы остались одни. Франц тихо скулил.

— Ты сам заварил эту кашу, милый Франц,— ласково заговорил Коронный вор.

— Помоги мне,— всхлипывал Франц.

— У тебя в руках были все козыри, и все-таки ты проиграл, бездарно проиграл.

— О Коронный вор! Ты добрый — сжался надо мной!

— Между прочим, да будет тебе известно, Франц, что я переименовал имя, и теперь меня зовут святой Йорген...

— Милый святой Йорген,— лепетал Франц,— забери себе все девять бочонков золота, только спаси меня.

— Премного благодарен тебе, Франц, за твое любовное предложение, — ответил Коронный вор. — Но их не девять. Все это религиозный самообман, «прекрасная мечта». Их только два. И оба лежат в моей карете. Служители господа — мошенники почище нас с тобой; но это между нами.

— Милый святой Йорген! Ведь я оказал тебе вчера немалую услугу.

— Это верно, Франц. Ты блестяще сыграл свою роль. Я буду часто вспоминать об этом и посмеюсь от души... после того как сумею выкарабкаться из этой банки с клеем.

— Но ведь ты же не повесишь своего старого друга, правда? — хныкал Франц.

— Поверь мне, Франц, я сделаю это безо всякой злобы, — сказал Коронный вор, с нежностью глядя на Франца.

— Повесишь, повесишь?! Нет! Нет! Не говори так! — плакал Франц. — Неужели тебе не жалко меня?

— Ну конечно, жалко! Очень жалко! В тебе так много хорошего, Франц. Но что поделаешь? Обстоятельства сильнее нас. Я предупреждал тебя. Ты не послушался. Вот и добился того, что теперь либо я должен повесить тебя, либо меня самого повесят. Вот и выбирай. Посоветуй, старина, что мне делать. Как бы ты поступил на моем месте?

— О Йорген, святой Йорген...

— Вот то-то и оно. Для меня это единственный выход. Я наверняка спасу свою жизнь, а ты наверняка избавишься от всех жизненных невзгод, и плевать тебе будет на курфюрста с его дикими конями.

От ужаса Франц онемел. Вылупив глаза, он с отчаянием смотрел туда, где вырисовывался злобещий силуэт виселицы. Губы его беззвучно шевелились.

— Неужели ты можешь... Неужели...

— Ну что ты так расстраиваешься? — спросил Коронный вор. — Было бы из-за чего! Будь же молодцом, старина, и не вешай нос! Ты же знаешь, как меня огорчает вся эта история. И ты знаешь, как я люблю тебя, старый дружище. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы скрасить твои последние минуты. Ах, вот мысль! Я велю трубачам проводить тебя до самой виселицы. Ты ведь всегда был большим любителем музыки. Итак, счастливого пути, старина, и вытри глаза. Слезами горю не поможешь... Эй, стража! Я простил сего великого грешника. Теперь ведите его к виселице да прихватите с собой несколько трубачей. Эй, трубачи-молодцы, играйте всю дорогу псалмы для спасения его души. Да трубите погромче, когда его будут вешать!

Губы Франца Поджигателя все еще беззвучно шевелились, а сам он с ужасом смотрел на Коронного вора, лицо которого выражало самое неподдельное участие.

До этого момента в душе Франца еще были живы какие-то смутные представления о земной справедливости и правосудии, с которым сам Франц, понятно, был всегда не в ладах, а также довольно романтическое убеждение, что настоящий друг никогда не подведет своего друга. И вот земное правосудие в образе Коронного вора осудило его, и его друг, Коронный вор, улыбаясь, сам вынес ему роковой приговор.

И последние религиозные представления Франца рассеялись, как рассеивается тьма, озаренная ярким светом воровского фонаря, и он постиг первооснову, на которой зиждется окружающий его мир: человек человеку волк.

Франц отчаянно завыл, когда стражники схватили его и, как он ни сопротивлялся, поволокли под ра-

достные возгласы толпы к водокачке и ограде, откуда тропинка висельников ведет к Виселичному холму.

— О боже правый!

Первый раз в жизни он сказал правду, и за это его вешают, вешают под звуки псалма. Что же это за мир, мир виселиц и воронов, живущих падалью? И слезы хлынули из глаз лихого разбойника Франца, словно вдруг забил чудотворный источник, а из его перекошенного ужасом рта неслись отчаянные вопли.

В эти последние пять минут своей жизни Франц испытал тяжкие муки, какие испытывают все правдолюбцы, ибо он тщетно возвещал людям истину, которую заглушали ликующие крики богомольцев, охваченных религиозным экстазом.

— Вот он, Коронный вор, вот он! Вот он! — вопил Франц, извиваясь

в руках стражников; он рыдал и хрипел, а над виселицей в северо-западной части неба сиял утренний месяц.

Но толпа лишь презрительно смеялась, семь пьяных трубачей громко трубили в трубы, а стражники волокли его по камням и кочкам к виселице.

Последние слова, которые Франц выкрикнул на брэнной земле, когда его вздергивали, были словами истины, — но их заглушили веселые звуки фанфар и восторженные голоса богомольцев, которые во всю глотку распевали псалом:

Добрый Йорген к нам пришел
нас спасти от бед и зол!

НЕМЕЗИДА

Но Немезида, загадочная богиня Возмездия, была уже в пути... и не пешком, а верхом, — на великолепном скакуне она мчалась во весь опор с грамотой его высочества курфюрста к городским властям.

Над самым обрывом одиноко стоял в своем чудотворном плаще святой Йорген и смотрел вдаль... С Виселичного холма слабо доносились звуки фанфар. А он, исполнитель главной роли, повелитель города и собора, дорогой и загадочный гость, все стоял и смотрел...

Он слышал, как гремят фанфары, видел Виселичный холм, черный, как муравьиная куча, кишущая праведными муравьями, которые волокли на виселицу одного несправедного.

Он видел, как Франц повис в воздухе и задрывал ногами, утратив последнюю опору в этом непостижимейшем из миров.

Орлиные глаза Коронного вора отливали стальным блеском. Его лицо выражало непоколебимую твердость и решимость, как клюв орла.

Еще один муравей покинул муравьиную кучу жизни. В общем, Коронному вору все это было совершенно безразлично. Однако если бы этот маленький муравей не отправился на тот свет, то, возможно, он сам болтался бы на виселице, что, разумеется, никого бы особенно не огорчило, но для него уже померкли бы эти чудесные краски, эти зеленые холмы, озаренные ярким утренним солнцем. А он был не прочь продлить свое пребывание на грешной земле.

Но в самом сокровенном уголке его сердца что-то стонало, плакало, рыдало, сверлило и жгло как огнем, зывало к правде и справедливости. Ведь у него была кроткая и чистая душа его матери и деда... По ее сжимали со всех сторон тиски житейской мудрости, доставшейся ему в наследство от отца.

Он чувствовал, что может совершить великие и прекрасные дела в этой жизни, которую любил... Но ему не повезло с самого начала. Незванным он явился на свет божий, незванным был всюду, куда забрасывала его судьба. Прав философ, который сказал: если неправильно застегнуть первую пуговицу, то все пуговицы будут застегнуты неправильно.

Честным путем ему уже не занять достойного места в жизни — так говорил его житейский опыт. Он достиг величайшего триумфа, но лишь с помощью обмана — без обмана он ни минуты не продержался бы в роли святого.

Он и дальше должен обманывать, как обманывают все остальные. И тут его снова охватило чувство отвращения, отвращения к этому мерзкому существованию, к пресмыкательству перед сильными мира сего, ко всему этому обезьяньему миру, который погряз в невежестве, лжи и суеверии...

Высоко над землей, над людским морем, легко и свободно взмахивая крыльями, летели два лебедя, не знающие богов и человеческих законов; они летели к далеким пустынным берегам, к черным утесам, о которые с грохотом дробятся могучие волны великого океана...

Микаэль провожал их взором, полным тоски.

Господа первосвященники быстро покончили и с покаянием и с омовением рук в источнике Йоргена. Они пропели псалом, помолились богу, как велит древний обряд, окропили желающих святой водой и сбросили наконец с себя покаянные одежды, чтобы вновь предстать во всем блеске своего могущества.

Но блеска не было. Их словно пришибли пыльным мешком.

Всю жизнь они играли только главные роли: у них выработались и важная осанка, и уверенная поступь, и властный голос. Но сегодня их пускали только на выходы, как простых статистов... Куда ж это годится?.. Этак им совсем откажут от места и тогда...

Вялые и понурые, словно только что кастрированные быки, они стояли возле источника и о чем-то тихо переговаривались, искоса поглядывая то на святого Йоргена (один бог знает, что у него на уме), то на Олеандру, стоявшую у соборной кареты; ее окружили подружки,

смеющиеся, довольные, взволнованные и сторающие от лубоньства.

В конце концов первосвященники принялись острить сами над собой, но то был юмор висельников.

— Какого черта мы шатаемся взад и вперед по городу и горланим эти дурацкие псалмы,— пробормотал главный капеллан.— Нас все равно никто не слушает.

Но программа есть программа, и капеллан начал декламировать:

Когда мой дух, усталый и больной,
уж грешного желанья не услышит,
я полечу к тебе, о Йорген мой! —
туда, где все вокруг покоем дышит.

Это был его коронный номер, который он всегда исполнял с блеском и неизменным успехом. Он играл своим рокочущим басом, словно произносил прочувствованный застольный спич, а в интонацию подпускал столько елея, что из глаз растроганных слушателей слезы катились градом. Но на сей раз капеллану не помогли никакие ухищрения: впервые публика осталась равнодушной.

— Да пойте же, дьяволы! — прошипел гроссмейстер, когда они дошли до третьей строфы покаянного псалма:

С просветленную душой
вновь вернемся мы домой.

— Очень им нужно наше пение! Они бредят своим Йоргеном и ничего другого знать не хотят,— обозлился капеллан.

— А что будет потом? — шепотом спросил секретарь.— Мы вернемся в собор?

Покаявшись и очистившись от грехов в источнике, святые отцы обычно возвращались под звуки тромбонов в со-

бор и в большом соборном зале подкреплялись жареными фазанами и жарким из дикого кабана.

— Он сам решит,— прошептал гроссмейстер, продолжая петь.

— А разве он еще ничего не сказал? — рассердился казначей, ие переставая, однако, петь (он исполнял партию первого баса).

— А кто решится его спросить, ты, что ли? — пропел гроссмейстер на мотив псалма.

— Пошлите кого-нибудь к Олеандре,— зашептал хранитель плаща.— Она должна знать. А нет, так спросит у него.

На том и сошлись, и к Олеандре послали служку.

В этот момент прискакал гонец от курфюрста с грамотой его высочества.

Гроссмейстер лениво вскрыл пакет, прочитал и... остолбенел: «Господи, что же это?» Прочитал еще раз: приказ немедленно изловить Коронного вора!

— Мы же повесили его,— спокойно сказал капеллан.

— Да здесь речь идет о двух ворах,— отвечал гроссмейстер. Руки у него дрожали и вид был такой испуганный, что весь капитул мигом окружил его.

— Читай, читай же скорее вслух!

— Франц Эриксен, по прозвищу Поджигатель... Рост... Одежда... Особые приметы: синяя змея на правой руке...

— Да ведь это же Коронный вор...— изумились святыя отцы.

Подошла Олеандра с большим букетом цветов; она вся светилась радостью.

Но ее никто не заметил: первосвященники сгрудились вокруг гроссмейстера, который продолжал читать, цепenea от ужаса.

— Микаэль Коркис, но прозвищу Коронный вор, незаконный сын Урсулы Коркис, дочери сторожа из Йоргенстада... может быть опознан по красному солнцу на груди...

Олеандра вскрикнула и изо всех сил сжала руку отца. Она дрожала, словно ее бил электрический ток.

— Красное солнце... Господи... У кого? У кого?..

В лице ее не было ни кровинки, под глазами выступили синие круги.

Гроссмейстер быстро спросил ее:

— Что с тобой? Мы говорим о Коронном воре. Ответь же! Красное солнце на груди! Ты видела его?

— Я целовала его, — прошептала Олеандра, падая на руки первосвященников.

Подбежали подруги и отнесли Олеандру во дворец гроссмейстера. Первосвященники стояли бледные от волнения, безмолвно глядя друг другу в глаза.

В этот миг ими овладели самые разнообразные чувства.

Во-первых, чувство бесконечного облегчения: значит, это не призрак, не какое-нибудь сверхъестественное существо! У каждого в глубине души притаилось сомнение, но оно боялось даже шевельнуться, чтобы не дать о себе знать. А теперь... Господи, какое счастье! Все их страхи и опасения были напрасны! Они снова полновластные хозяева собора и всего города! Ведь он не святой, а простой смертный! Самый обыкновенный вор!

Во-вторых, досада и любопытство! Подумать только, Микаэль Коркис из Йоргенстада! Внук старого сторожа Коркиса, сын Урсулы, бывшей зазнобы капеллана! Что за дерзкий негодяй! Ведь это он явился однажды к капеллану и заявил: «Ты — мой отец!» Весь город только и говорил об этом, вот было смеху! Капеллан то краснел, то бледнел и поглядывал налитыми кровью глазами на своего отпрыска, который по-прежнему невозмутимо стоял над обрывом. Негодяй! Мерзавец! Оборванец! Ублюдок!

В-третьих, беспредельное изумление. Ведь какую падо иметь дерзость, чтобы отважиться на подобную аферу! Червяк, уличный мальчишка, скоморох — и вдруг это ничтожество проникает в собор, спит с соборной невестой (дочерью самого гроссмейстера), облачается в священный плащ! Помыкает ими, первосвященниками, как простыми слугами, и подчиняет себе эту огромную толпу богомольцев, которым они же сами и внушили дух христианского смирения!

В-четвертых, страшный гнев. Ведь все, что создавалось веками, теперь разбито вдребезги, втоптано в грязь, скомпрометировано на веки вечные этим богомерзким мошенником.

В-пятых, полная растерянность: что же теперь делать? Ничего не поделаешь! Слишком поздно! Они сами возили его в карете по улицам города. При всем честном народе он разбил капеллану лоб! Ругательски ругал их! И с их собственного соизволения спал с благороднейшей девицей города, о чем знает вся округа! Никогда не смыть им этого позора. Вот и сейчас, молодой, сильный и властный, он стоит над обрывом и в ус себе не дует, а они даже не знают, что ему еще от них надо! Какую же он придумал развязку для всей этой комедии?

И, наконец, в-шестых, неподдельное восхищение... Да, да, они искренне и почтительно восхищались этим удивительным человеком, который стоял там, купаясь в солнечных лучах... Непостижимо ловкий и дерзкий, он достиг таких высот мистификации и обмана, какие им и во сне не снились... И, отдавая ему дань невольного восхищения, господа первосвященники уже почти обожествляли его, чуть не впадая в религиозный экстаз... все, кроме гроссмейстера. Это был человек практического ума, деловой; он

не любил витать в облаках и был сыт по горло и религией и экстазом.

— Не подавайте виду! Ни слова! — тихо сказал он, полузакрыв глаза. И первосвященники застыли на месте, ожидая, когда гроссмейстера осенит какая-нибудь идея.

— Он смотрит сюда, идет к нам! — прошипел гроссмейстер сквозь зубы. В его кабаньих глазах сверкнул злобный огонь, а коротко остриженные волосы встали дыбом.

— Ради всего святого — молчите! Без выпадов, без дурацкой болтовни! Он малый не промах. Я сам поговорю с ним. На карту поставлена репутация собора и всего города!

Коронный вор стоял на краю обрыва и смотрел на лебедей, улетающих вдаль. Им овладело какое-то странное состояние — казалось, он растворился в окружающей природе... И в то же время он с болезненной остротой замечал все, что происходит вокруг, каждую мелочь, каждый штрих...

Он видел, как толпы паломников с кувшинами и кружками спускаются к источнику, видел соборных быков, спокойно пасущихся на лугу...

Он забыл обо всем: об опасности, о жизни, о смерти, и только смотрел, смотрел на раскинувшиеся перед ним поля, леса и горы... и испытывал какое-то удивительное ощущение легкости и радости, смешанной с печалью... Все в жизни течет, все изменяется, как в калейдоскопе: повернул его чуть-чуть — и уже ничего нельзя узнать.

Микаэль не верил в Немезиду, зато у него был зоркий глаз. Он спокойно наблюдал, как по дороге мчится во весь опор гонец курфюрста. И он сразу понял, что это резко повернет весь ход событий и теперь все изменится.

Микаэль стоял, скрестив руки на груди, и с любопытством следил, как гонец курфюрста пробирается сквозь толпу паломников. Вот смертельно усталый гроссмейстер берет у него грамоту курфюрста и читает. Первосвященники ошеломлены. Олеандра падает в обморок.

Микаэль знал, что это случится! Ее любовь угасла в тот же миг, как только он перестал быть святым! Бедняжка!

Итак, теперь все знают, кто такой святой Йорген. Его час настал.

Но он не чувствовал страха; в душе его царили мир и покой, словно в темном лесу, который медленно погружается в осенний сон.

Он достиг цели, великой цели всей своей жизни. Он обломал палку о лоб своего родителя, он искупал почтенных господ первосвященников в сточной канаве, в родном городе его встречали с таким триумфом, как никого еще никогда не встречали.

И стоит ли теперь цепляться за жизнь, которая ничем не лучше смерти? В сокровеннейшей глубине его сердца, пылающего жадной жизни, всегда торчало крохотное ядовитое жало, черное жало тоски, и Микаэль не стал бы особенно протестовать, если бы вся эта панорама с богомольцами, быками, виселицей и собором стала для него погребальным саваном, — что ж, эта дурацкая комедия была довольно забавной.

Но прежде чем уснуть вечным сном, ему было бы любопытно посмотреть, как святые отцы выпутаются из этого щекотливого положения. Господа первосвященники — народ практичный, не какие-нибудь там мечтатели. Они боятся призраков и ничего не понимают в чудесах, которые творит какой-нибудь пророк или святой: здесь они абсолютные профаны и легко попадают на удочку лю-

бого проходимца. Но как только они видят, что имеют дело с простым смертным, они сразу же обретают твердую почву под ногами и уже ни в чем не уступают противнику: ни в тактике, ни в изворотливости.

Будь они попроще и поглупее, они, конечно, растерзали бы его на части, чтобы отомстить за бесчестие... и навсегда скомпрометировали бы и праздник святого Йоргена, и собор святого Йоргена, и невесту святого Йоргена, и Йоргенстад, и самих себя, ибо все подняли бы их на смех. Ну, а людское море превратилось бы в бушующий поток бешенства, ярости и негодования.

Но, честно говоря, Микаэль вполне полагался на сообразительность святых отцов. Они, конечно, понимали, что любая попытка отомстить Коронному вору погубит их же самих... не говоря уж о том, что вряд ли удастся убедить паломников, будто святой Йорген — дерзкий плут и мошенник, какие бы неопровержимые доказательства они ни представили.

И Микаэль не ошибся. Он прекрасно видел, как первосвященники столпились вокруг своего рассудительного гроссмейстера и стали совещаться.

На лице Коронного вора появилась лукавая улыбка: значит, игра еще не закончена. Он выжмет лимон до конца.

И Микаэль взглянул даже с некоторым сочувствием на этих одураченных им людей, которые не потеряли присутствия духа и лишь молча стиснули зубы. А кроме того, он чувствовал, что святой капитул отдает должное его ловкости и отваге и признает за ним право извлечь наибольшую выгоду из одержанной им блистательной победы.

Он запахнул плащ и, спокойно улыбаясь, направился к первосвященникам. Медленно и величественно, словно епископ, он спустился с горы, и паломники снова приветствовали его восторженными криками.

— Итак, святые отцы,— начал Йорген,— мир благополучно избавился от мошенника, а вы не менее благополучно избавились от своих грехов, и, надо сказать, гораздо более легким способом. А теперь вернемся в собор. Дорогой тесть, где моя невеста?

— Я не скрою от вашего святейшества,— отвечал гроссмейстер с принужденным поклоном,— что несколько минут назад мы получили весьма важные известия.

— Какие же именно? — осведомился Йорген, обводя святых отцов ангельски невинным, но твердым взглядом.

— Нам сообщили точные приметы Коронного вора.

— Но ведь мы его повесили,— мягко заметил святой.

— Во всяком случае, должны были повесить,— свирепо заявил гроссмейстер, глядя на носки своих башмаков.— К сожалению, мы повесили не того, кого следовало; однако теперь мы попали на след этого преступника и обнаружили, что все это время он был гораздо ближе к нам, чем мы предполагали.

— То же самое приходило в голову и мне, дорогие мои первосвященники,— спокойно сказал святой.— Однако я боюсь, что до конца разобраться в этом деле будет гораздо труднее, чем кажется на первый взгляд.

— А может быть, все-таки попробуем? — зловеще спросил гроссмейстер.— Начальник стражи курфюрста извещает нас, что Коронного вора можно узнать по красному солнцу на груди.

— И прекрасно,— весело сказал святой Йорген.— Значит, всех надо подвергнуть осмотру.

— Всех без исключения! — вставил казначей. Он никак не мог удержаться, хотя гроссмейстер все время толкал его локтем.

— Разумеется, господин казначей! — любезно согласился святой. — И начнем сверху.

— С вашего святейшества! — пробурчал казначей, не смотря на предостережения гроссмейстера,

— Я весь к вашим услугам... дорогие господа первосвященники! — сказал святой так искренне и чистосердечно, что казначей разинул рот от изумления.

Гроссмейстер, который уже начал нервничать, поспешил прервать казначея:

— Однако подобный осмотр, вне всякого сомнения, оскорбил бы религиозные чувства нашего возлюбленного народа.

— Возможно, — улыбнулся святой Йорген.

— И мы полагаем, что своим незамедлительным отбытием из города ваше святейшество могло бы избавить нас от столь тягостной необходимости... до того, как сюда придут стражники курфюрста... мы ждем их сегодня вечером.

— Дорогие мои первосвященники! — Святой Йорген говорил с необыкновенной сердечностью в голосе. — Как ни горько мне расставаться с моим достойным и верным капитулом и вновь покидать родной город, куда я вернулся после трехсотлетнего отсутствия, я все же не могу не пойти навстречу пожеланиям моего дорогого тестя и гроссмейстера... Разумеется, если мне будет выдан вполне надежный паспорт, ибо, к сожалению, у нас нет никакой уверенности в том, что стражники курфюрста отнесутся к трехсотлетнему святому с таким же высоким доверием, какое ему было оказано в Йоргенстаде.

— Господин секретарь, — сказал гроссмейстер, — не угодно ли вам приготовить такой паспорт. На чье имя, ваше святейшество?

— На имя графа Микаэля фон Темпельхейма.

— Пишите, — приказал гроссмейстер, побагровев от ярости.

— Кроме того, я выражаю надежду, что, провожая меня, вы воздадите мне все почести, подобающие моему высокому сану.

— Разумеется.

— Пушечный салют...

— Несомненно.

— Духовой оркестр и звон колоколов...

— Ничего нет проще.

— Далее, вы предоставите в мое распоряжение большую соборную карету, запряженную четырьмя соборными быками.

— Пишите, господин секретарь, — сказал гроссмейстер. Он пылал, кипел и дрожал от гнева.

— Провизии на неделю!

— Пишите.

— Семь окороков. Четырнадцать хлебов. Три круга сыра, в том числе один круг копченого, который мне особенно понравился.

— Пишите.

— Бочку моего бесподобного соборного вина.

Святой капитул окаменел.

— Затем плащи и ковры. Вы согласитесь, что без этого мне в дороге не обойтись?

— Вы записали, господин секретарь?

— На покрытие дорожных расходов я беру из моих соборных сбережений оба бочонка с золотом.

Капитул содрогнулся, однако святой Йорген спокойно посмотрел на всех и добавил:

— Так что потрудитесь, господин казначей, списать оба бочонка в расход, и сделайте соответствующую от-

метку в соборных ведомостях, которые я имел удовольствие просмотреть сегодня утром.

Казначей покраснел и что-то пробормотал.

— Взамен я оставляю вам свой святой, запятнанный кровью плащ, хотя, к своей неописуемой радости, я убедился, что у вас есть еще два великолепных плаща... в угловом шкафу (тягостное молчание), что свидетельствует о вашей величайшей щепетильности и предусмотрительности... Однако, по-моему, вы поступаете более чем опрометчиво, пуская на тряпки старые плащи и вытирая ими пол в винном погребе... Приготовьте мне багаж, а я тем временем прощаюсь с моими возлюбленными паломниками

И он величественно повернулся к ним спиной.

Святые отцы поклонились ему как можно естественнее, они краснели, бледнели, желтели, зеленели, скрипели зубами — но все-таки поклонились и тотчас же начали, перешептываясь, собирать в дорогу благородного графа фон Темпельхейма.

Они очень торопились, ибо граф должен был отбыть до того, как в город нагрянут стражники курфюрста.

Между тем святой, приветствуемый толпами паломников, приготовился произнести свою прощальную речь.

ПРОЩАНИЕ

И со всех сторон к нему хлынули толпы паломников, опрокидывая столы и скамьи. Телеги перевертывались, кадеки падали, а костыли их ломались на куски.

Каждый старался пробраться поближе к святому Йоргену, люди топтали друг друга и ступали по упавшим — только бы протиснуться вперед, чтобы лучше видеть и

слышать. Наконец-то будет говорить сам святой Йорген, наконец-то наступил великий миг, которого все так ждали, и его святой, достославный голос прозвучит в этом городе впервые после трехсотлетнего перерыва. Лишь незначительная часть этой огромной толпы слышала его вчера в Соборной роще, и совсем немногие смогли разобрать, о чем он говорил с Коронным вором возле статуи, однако об этих выступлениях святого ходили самые удивительные слухи.

Наконец огромная толпа притихла. Люди стояли возле лестницы Скорби и слушали. Люди толпились на тропе висельников. Горный склон, спускающийся к источнику, был сплошным волнующимся морем людским. Стена, окружавшая сад грессмейстера, казалась черной от людей. Богомольцами была забита вся Аллея первосвященников до самого моста, а на крышах и дымовых трубах устроились паломники помоложе и смотрели во все глаза. На пирамидальном тополе портного Курстена чернели целые грозди слушателей; неожиданно с глухим треском сломался самый большой сук, и с десятков юных приверженцев святого Йоргена рухнули в каменоломню.

Наконец воцарилась тишина, и все головы повернулись к святому Йоргену, стоявшему на склоне холма в чудотворном плаще. Богомольцы видели, как он сделал несколько шагов, худощавый, небольшого роста, — и все-таки святой, настоящий, прославленный в веках святой! И он стоял совсем рядом с ними!

И прежде чем они успели что-нибудь сообразить, старый Тобиас из Нокебю — прославленный вождь паломников, тот самый, перед крыльцом которого лежит огромная куча навоза, — вдруг затянул дребезжащим голосом:

Добрый Йорген к нам пришел...

Момент был подходящий. Словно грохочущая лавина, псалом захлестнул всю эту гигантскую толпу. Религиозный экстаз охватил тысячи тысяч паломников и словно пламенем спаял их в одно огромное монолитное существо, в единую массу, бездумно и туно ликующую и славословящую святого Иоргена, распростершуюся у его ног, готовую слепо внимать его словам и повиноваться его воле. По всеобщему мнению, то была великая минута, минута, ради которой стоит жить, нечто незабываемое, и каждый из присутствующих, вернувшись домой, сохранил на всю жизнь воспоминания об этой минуте, как о величайшем событии в своей жизни.

А на вершине холма стоял Коронный вор и, закрыв глаза, принимал поклонение толпы. Уже после первого куплета он сделал знак, что хочет говорить. Но невозможно было погасить энтузиазм, вдруг охвативший богомольцев. Зазвучал второй куплет:

Тянутся руки в мольбе к нему,
бьются сердца в умилении...

И после второго куплета тут же грянул третий:

Слезы потоком текут из глаз,—
блаженство и сладость плача!

Коронный вор уже не пытался остановить поющих. Всякий раз, когда хор затихал, находилось с десяток паломников, которые лезли вон из кожи, лишь бы показать, что они знают, как начинается следующий куплет, и снова над толпой звучал псалом:

Пойте же, дети, радуйтесь вновь,
Иоргена сердце согрела любовь...

И новая буря восторга прокатывалась по толпе.

Еще вчера он мечтал о том, как взорвет ко всем чертям этот праздник святого Йоргена, обрушится на эту дурацкую ребячливость и иступленный фанатизм и возвратит людям здравый рассудок; он покончит со всей этой болтовней о плащах и милости божьей, покончит с нелепыми обрядами и шутовством и превратит собор во вместелище народной мудрости и здравого смысла.

Но глядя на это множество глаз, которые светились сленой наивной верой, глядя на это море глупцов, которые, словно первобытные звери, взирали на него с какой-то сопливой беспомощностью и тупым страхом и в своей почти идиотской религиозности не желали большего, как уютно слиться с толпой таких же фанатиков, подчиняясь их стихийному натиску... глядя на них, Михаэль вдруг понял, что эти несметные толпы богомольцев сами ищут святые храмы, чтобы смотреть на них снизу вверх, подобно тому как зверь смотрит на солнце, ищут чудотворные плащи и сбегаются к ним со всех сторон, пуская от восторга в штаны; и ни у кого из этих скудоумных согбенных существ не появится ни одной светлой мысли, до тех пор пока у них будет главный капеллан, с чьих слюнявых губ они получают разжеванные и пережеванные истины, подобно тому как дети получают разжеванную пищу изо рта кормилицы.

Микаэль подумал, что этих первосвященников и главных капелланов можно все же понять. Они уже не могут не лицемерить. Иначе богомольцы по своей глупости и скудоумию просто не станут их слушать. И капелланам ничего не остается, как плести всякую чушь, рассказывать всевозможные небылицы и так часто лгать, что они уже и сами не способны отличить правду от лжи. И вот они стали отъявленными мошенниками, хитрыми и жадными.

Душа Микаэля содрогалась от отвращения. Но он был не в силах вырвать этих людей из сильных и цепких рук кровососов первосвященников. Как-никак эти руки управляли ими уже сотни лет...

Лебеди скрылись за далекими горами. Он страстно желал улететь, улететь вслед за ними. Ведь они жили на лоне великой и могучей природы, где нет первосвященников, нет божественного провидения, нет плащей и капелланов...

Паломники пропели восьмой куплет, заключив его словами:

От века и до века
да славится наш Йорген!

Коронный вор сделал знак рукой, и тут же воцарилась мертвая тишина. Тысячи глаз буквально смотрели ему в рот, ловили каждое движение его губ.

— Друзья мои! — начал он. — Итак, я посетил свой собор, повидал свою невесту и теперь со спокойной душой могу покинуть вас. Однако незабываемые дни, которые я провел среди вас, никогда не изгладятся из моей памяти.

Но перед тем как уйти, мне хотелось бы напомнить всем вам мудрые слова пророка: «Тот, кто доволен, никогда не унывает, а тот, кто унывает, никогда не бывает доволен!» Это поистине мудрые слова, слова, имеющие глубочайший смысл, который великий пророк раскрыл для всех истинно верующих, и слова эти дадут нам благодатную пищу для размышления в часы досуга, когда мы попытаемся проникнуть в их сокровенную суть. Итак, прощайте, дети мой, прощайте!

В толпе послышались жалобные крики и плач:

— О святой Йорген, останься с нами. Побудь с нами еще, святой Йорген!

— Увы, я не могу остаться! — воскликнул Микаэль. — До меня дошли важные известия, и, очевидно, самой судьбе угодно, чтобы я отбыл сегодня же, иначе будет поздно. Я не из тех, кто противится воле судьбы, да и вы, я полагаю, не захотите толкнуть меня на этот опаснейший путь.

— Нет, нет! — раздалось в толпе.

— Но, Йорген, ты же обещал исцелить сегодня всех больных и увечных! — закричал старый Тобиас из Нокебю, желая доставить святому удовольствие и заодно показать всем, в каких он приятельских отношениях с самим святым Йоргеном.

— Да, да! — завопили увечные паломники, стараясь протиснуться поближе к святому.

«Черт бы побрал этого старого идиота из Нокебю, — подумали первосвященники. — Теперь все погибло».

Однако святой лишь улыбнулся и добродушно покачал головой.

— О маловерные! — воскликнул он. — Неужели вы думаете, что я забыл об этом?

— Нет, нет! — кричали паломники.

— Или я заслужил ваше недоверие?

— Нет, нет!

— Разве не сделал я для вас так много, что это превзошло ваши самые смелые ожидания?

— Сделал, сделал!

— Так слушайте же меня, — продолжал святой Йорген. — Здесь передо мной столько больных, увечных и калек, что, как вы сами понимаете, я не могу исцелять каждого в отдельности. Не так ли?

— Исцели хоть меня, — раздался чей-то крик.

— И меня! И меня! — понеслось со всех сторон. Началась невообразимая давка.

— Нет, нет! — вскричал святой. — Было бы жестоко исцелить одних и не исцелить других. Избави бог от подобной несправедливости! Но я сделаю иначе. Слышите ли вы меня?

— Слышим, слышим!

— Так вот, сегодня вечером, сразу же после захода солнца, войдите попарно в Соборную рощу. Поняли?

— Поняли!

— В северной части рощи растет моя священная ивовая изгородь. Отрежьте себе по маленькой веточке и отнесите домой. Посадите веточку в цветочный горшок и поливайте колодезной водой, зачерпнутой при лунном свете. И знайте, что первые семь листочков, которые зазеленеют на вашей веточке, обладают чудодейственной силой! Сорвите их! Но не сорвите по ошибке восьмой листок, ибо в нем таится яд, который сразу же уничтожит целительное действие семи первых листочков. На этих семи листочках сделайте настой и пейте его, но медленно и с молитвой. Тогда совершится чудо, и вы все поймете, что я всегда выполняю свои обещания... Однако моя священная дорожная карета уже готова. В нее уже положили священные окорока и запрягли священных соборных быков. Итак, прощайте, прощайте! От всего сердца говорю вам: прощайте, до новой встречи!

И снова буря восторга. Паломники машут руками, у многих из глаз текут слезы, и вдруг все дружно запевают псалом:

Пусть глупы мы и убоги,
и бедны, и хромоноги,
лик наш радостен и светел,
ибо Йорген нас приметил,

Впереди всех стоит и поет старый Коркис. Руки у него трясутся, но серебристо-белой бороде текут слезы, но он радостно улыбается и не отрываясь смотрит на святого своими ясными, умными глазами.

И когда Коронный вор увидел, как легко этот умный благородный человек поддался дешевому и грубому обману, ему стало горько и тоскливо. Он резко повернулся к первосвященникам, словно желая выместить на них свою горечь и досаду, и властно сказал:

— А теперь, святые отцы, настала минута расставания. Пусть каждый из вас приблизится и поцелует мне на прощанье руку.

Лица у первосвященников вытянулись, однако один за другим они подходили к святому Йоргену и лобзали его руку. Паломники смотрели на них во все глаза.

— Прощай, гроссмейстер, охраняй мой собор и никому, слышишь, никому не давай водить себя за нос.

— Мошенник! — вырвалось у гроссмейстера, когда он почтительно целовал руку святого.

— Прощай, хранитель плаща! Снова повесь этот плащ в моем святом соборе. И да не осквернит твоих святых рук какая-нибудь гнусная подделка.

— Как это трогательно! — прошамкала старуха с провалившимся носом, обращаясь к старику с заячьей губой, и вытерла передником глаза.

— А все-таки он любит их! — умиленно сказала хромая девушка какому-то карлику.

— Ну а как же! Они ведь тоже святые люди! — заметил старый гнусавый паломник своему косоглазому соседу.

— Вот уж истинно! И нам надо почитать святых! — сказала плачущим голосом старуха ребенку с раздувшейся от водянки головой.

Так думали паломники.

Итак, святой Порген простился с господами первосвященниками. Последним к Микаэлю подошел главный капеллан. Святой Порген прошептал ему на прощанье несколько слов, и тот, пошатываясь, вернулся на свое место. Очень уж велика была горечь расставания!

А было вот что...

Несколько мгновений святой в упор смотрел на капеллана. Его голова была гордо закинута назад.

— Пес, паршивый пес! — прошептал Микаэль. — Склони голову и поцелуй руку своего сына, моля о прощении за то, что произвел его на свет и украл у него честное имя.

Капеллан весь дрожал от ярости, но все же склонился и поцеловал руку сына.

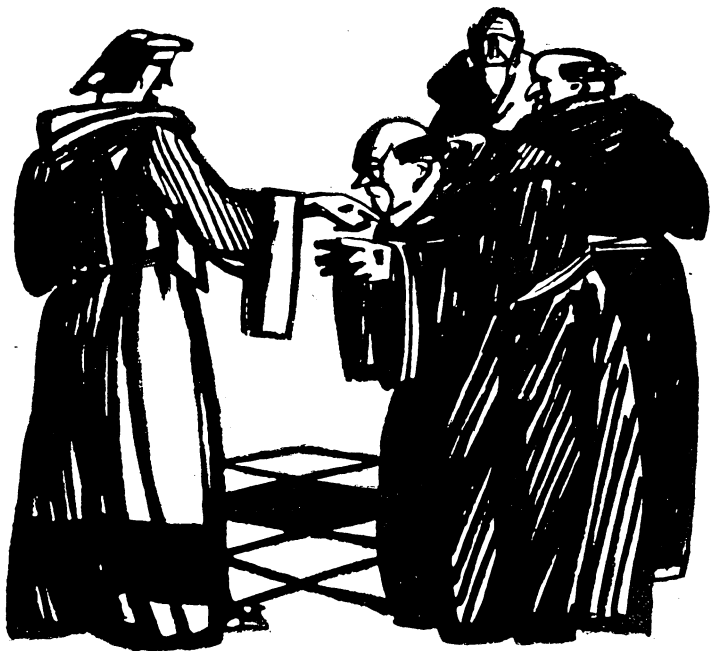
— Свинья! — прошептал Микаэль ему в самое ухо. — Свинья, кланяйся и целуй мне руку, моля о прощении за то, что гнусно загубил жизнь и счастье моей матери, Урсулы Коркис из переулка Роз. А ну, кланяйся живей!

И главному капеллану пришлось во второй раз склониться перед Коронным воров.

— Что-то спина у тебя плохо гнется, батюшка, — сказал Микаэль. — Надо тебе поупражняться. А ну-ка, целуй мне руку в третий и последний раз в благодарность за то, что я разукрасил тебе лоб своей палкой. Кланяйся ниже, еще ниже! Ну, чего пыхтишь? Вот так!

И в третий раз капеллан поцеловал руку Коронному вору.

Микаэль глубоко вздохнул. Как легко стало на душе! Легко и свободно. Он отомстил за мать, за деда, за себя самого. Исполнилось то, о чем он мечтал всю жизнь. И теперь... теперь он вдруг ощутил какую-то странную пустоту... словно жизнь потеряла для него всякий смысл.

Жить в одиночестве, жить только для того, чтобы жить, он не хотел, особенно теперь, когда достиг своей цели. А жить ради своих ближних? Ему достаточно было только

взглянуть на всех, кто здесь был: от первосвященников до богомольцев и от богомольцев до первосвященников.

Внезапно, словно серебряные колокольчики, зазвенели девичьи голоса. На крыльцо гроссмейстерского дворца выбежали подружки невесты.

— О Йорген, Йорген! Почему ты уезжаешь?

Микаэль не мог не улыбнуться.

В их голосах было столько невинного очарования и прелести, столько нежности и теплоты, что они согрели его сердце, как весеннее солнце согревает засыпанный снегом лес. Голоса эти напомнили ему об Олеандре, о той великой нежности и доверчивости, с которой она приникла к нему и открыла совершенно новый для него мир любви, доброты и животворной силы.

Тут он припомнил сцену отъезда Кореапдера из трагедии «Несчастливая свадьба» и воскликнул с пламенным воодушевлением:

О юные девы! средь вас я узнал
дыханье любви и надежды.
Но вот ухожу, и холод могилы
навек смыкает мне вежды.

Паломники удивленно переглядывались. Разумеется, даже самые наивные из них хорошо знали, что такое любовь, может быть, несколько односторонне, но порой настолько основательно, что многие из них хромали и дергались от ее незаживающих язв и болячек. Однако для них любовь никогда не была могучей и возвышенной силой. Они любили грубо и безрадостно, как быки или улитки. Для них это был неизбежный и непристойный грех, совершаемый ночью, когда все посторонние уходят, гаснет свет и воцаряется тьма. В любовных ласках и шалостях они разбирались не больше, чем корова в вышивке,

— Что он сказал? — спросила глухая старуха сплетница с бельмом на глазу, страдавшая грыжей.

— Это он о девочках? — прохрипел старый проповедник, тоже отягощенный грыжей в расплату за излишества, которым предавался в молодости.

Лишь немногие поняли слова святого. Они услышали, как зазвенел его голос, в котором вдруг прозвучали жизнь, сила и страсть, необычные для их ушей, привыкших к бляению первосвященников... Они увидели, как лицо его озарилось юной радостью, словно отблеском счастья, сверкающего в глазах молодых девушек.

А во дворце у окна стояла Олеандра и все смотрела... смотрела... смотрела не отрываясь.

Когда ее принесли домой и уложили, она, как раненый зверь, стала метаться на своей постели.

Она, самая умная из всей «башни», была обманута и одурочена больше всех. Она, самая гордая и самая знатная девица в городе, была обесчещена и втоптана в грязь самим Коронным вором. Она, самая холодная и неприступная девушка в мире, всегда издевавшаяся над пошлостью любви, замирала от блаженства в объятиях Микаэля Коркиса, жалкого подонка, публично наказанного плетью на площади Капитула.

Она стояла перед ним, смущенная, как школьница, и он наслаждался ее стыдливым румянцем, когда торжественно обратился к ней: «Ваше святейшество!» Он смеялся про себя, когда имел наглость важно потребовать у нее «восстановления чести своего рода»... И она дала ему все, что он требовал... богато, щедро, изобильно... О боже, боже!

Колесовать его! Засечь плетью! Повесить! Она вскочила на ноги. Ей хотелось увидеть, как дикие кони разо-

рвут его на части, а она будет смеяться, глядя на его окровавленные останки...

Она подбежала к окну и остолбенела от гнева... Что это? Или она сошла с ума?

Микаэль все еще стоял на краю обрыва, этот разоблаченный мошенник, и спокойно улыбался, слушая распеваемые в его честь псалмы... Где же карающее земное правосудие? Где всемогущий и грозный капитул? И где, наконец, ее отец, охваченный неистовым гневом?

Вон они!.. Вон!.. Перепуганные, понурые, приниженные... бегут, чтобы нагрузить соборную карету... для него!.. Что это?.. Они целуют ему руку!.. Он улыбается... а они один за другим подходят к нему... кланяются... и целуют руку... кланяются и целуют...

Олеандра вся дрожала от волнения и еле держалась на ногах! Ее мысли путались, но она старалась сообразить, в чем же дело... и наконец все поняла... все...

О, какой позор! Какой позор! Соборный капитул предал ее. Ее предал родной отец. Они не тронули его, даже волоска не тронули на его голове! Не решились! Господи, о господи! Ведь они сами обманщики, мошенники! И она... она... невеста святого Йоргена... была с ними заодно.

Лицо ее исказилось от ужаса, когда она увидела, как святые отцы, словно какие-нибудь сторожа, отчаянно суетятся, стараясь поскорее выполнить его распоряжения...

Утреннее солнце по-прежнему сияло на небосклоне, но ей показалось, будто праздничные краски жизни вдруг поблекли, аристократический блеск сбежал со всех окружающих ее предметов, и все сразу стало каким-то безнадежно будничным, унылым и грубым.

Священный блеск сбежал с первосвященников, и тень преступности покинула преступника... Не было больше ни

героев, ии мошенников... Осталось лишь несколько марионеток, исполняющих различные роли в длинной будничной комедии, где умный побеждает, а обманутый дурак проливает горькие слезы...

...И тогда она с боязливым изумлением взглянула на этого умного и непонятного человека, который так спокойно улыбался...

Олеандра вдруг забыла о том, что он — внук сторожа, а она — дочь гроссмейстера. Перед ней был сильный и умный человек... а она... она самая обыкновенная девушка... игрушка, которую он просто растоптал...

С ним она узнала счастье любви... и вот он уезжает, уезжает... даже не простившись с ней...

И тут она зарыдала, зарыдала от горя и обиды, как плачут дети... Она плакала потому, что он бросил ее, забыл ее... потому что все оказалось обманом... и он даже не любил ее...

Вдруг она быстро подняла голову.

По вот ухожу, и холод могилы
навски смыкает мне вежды.

Это он! Его голос, полный тепла, нежности и силы! Голос жизни, веры, любви! Был ли он искренен хоть сейчас? Или это тоже обман? Она должна увидеть его! Еще секунда — и Олеандра стоит у окна... она видит его... но что это...

Она еще раз выглянула из окна и увидела, что сейчас он уедет... уедет от нее навсегда... И все в ней оборвалось... Йорген, Йорген, взгляни же на меня... В тебе все мое счастье... До него жизнь была окутана сумерками! После него настанет ночь и смерть! Но вот он увидел ее! Узнал! Он больше не улыбается... Лицо стало серьезным...

Она вперила в него взгляд: в эту минуту во всем мире были только они двое: он и она.

Слезы застилали ей глаза, но все-таки она нашла нож, охотничий нож grosмейстера. С ножом в руке она вышла на крыльцо и стала спускаться по лестнице... А он стоял все такой же серьезный, ни гнева, ни страха не было на его лице, и лишь неудовимая улыбка вдруг тронула губы.

— Ты уезжаешь от меня, Йорген? — крикнула она.

— Ведь ты не хочешь ехать со мной! — возразил он.

— Нет, хочу! — закричала она и, бросив нож, вскочила в карету.

— Вперед! — крикнул Микаэль, и весь мир вдруг расцвел разноцветными огнями радости и счастья. Карета

тронулась с места. Восторженные крики богомольцев, желавших святому счастливого пути, заглушили жалобные причитания гроссмейстера и других первосвященников. Между тем карета, запряженная быками, с грохотом спустилась с холма и покатила по Капитульному переулку в сторону Курфюрстовой дороги.

Зазвонили колокола на башне святого Йоргена, на башне святой Анны, на башне святого Фомы и на башне святого Кнуда.

Над городом стоял такой звон, словно рай вдруг спустился с небес. А карета мчалась все вперед и вперед, и толпы паломников расступались перед ней, пропуская святого и его супругу. Микаэль привстал, не выпуская руку Олеандры из своих рук, и прокричал:

— Я вернусь через триста лет!

Безмерное ликование прокатилось по улицам и переулкам, запруженным толпами паломников, а Олеандра, глотая слезы и смеясь, жжала руку «святого».

— Стреляй! — рявкнул гроссмейстер, багровый от злости.

Пушкарь приложил фитиль к пушке, раздался выстрел, и буря восторга разразилась с новой силой.

— Да машите же! Машите! — ревел главный капеллан, задыхаясь от ярости. — На вас смотрят!

И святые отцы радостно махали руками вслед святому Йоргену. Девушки тоже махали, что-то кричали и плакали.

Грянул второй выстрел, а карета уже прогремела по мосту и выехала на Курфюрстову дорогу. В это время из-за поворота показался отряд ландскнехтов. Почтительно приветствуя знатных путешественников, ландскнехты отдали им честь и освободили проезжую часть дороги.

— Бог его знает, что он за парень! — задумчиво сказал Клаус. Он проходил с Клаудиной мимо кабачка «Пра-

ведный паломник», неся в руках голубую колыбельку, которую забрал у своей тетки.

Издали доносился грохот кареты святого Йоргена. Ветер разносил над городом псалом, распеваемый тысяче-голосым хором:

Лик наш радостен и светел,
ибо Йорген нас приметил.

— Да стреляй же, черт тебя побери, стреляй в последний раз! — рычал гроссмейстер, плача от злости.

Грянул третий выстрел и возвестил о том, что праздник окончен.

Но долго еще звонили колокола вслед уносившейся вдаль карете.

Долго еще стоял гроссмейстер и смотрел вслед тому, кто увез его любимую дочь, его карету, его быков, его окорока и сыры и два бочонка соборного золота...

А карета мчалась все быстрее и быстрее, и в ней уносились Микаэль и Олеандра, словно пара диких лебедей... за темные леса, за высокие горы...

ЭПИЛОГ

Прошло два месяца. Микаэль и Олеандра достигли северного берега очень широкой реки. У одного ландграфа, который был по уши в долгах, они купили чудесный горный замок Фалькенберг. В замке этом уже давно никто не жил, и окрестные

жители поговаривали, будто в нем водились привидения. Но граф фон Темпельхейм привидений не боялся; он роскошно отделал свой новый замок и превратил его в родовое гнездо.

Микаэль и Олеандра прожили долгую и счастливую жизнь со своими детьми и внуками. От них и пошел род Фалькенбергов, так называемая «младшая ветвь». Однако на самом деле их предки были выходцами из Йоргенстада и не имели никакого отношения к Фалькенбергам, которые, как следует из генеалогических записей, давным-давно вымерли.

Почти все представители этого рода отличались крайним себялюбием и никогда ни с кем не считались.

Себялюбие это характеризовала, с одной стороны, редкая жадность и большая склонность ко всякого рода аферам. Фалькенберги всегда шли к цели напролом, как буйволы, сметая все на своем пути. Эта жадность не может не напомнить вам о соборном капитуле в Йоргенстаде.

С другой стороны, Фалькенберги очень не любили лгать и изворачиваться и предпочитали говорить правду в глаза и за глаза.

«У Фалькенбергов язык, как бритва», — писал князь Висбех.

«В глазах сверкают молнии, а язык разит, как гром», — сказано у профессора фон Снупфендорфа.

Мало кто из Фалькенбергов отличался добродушием, мягкостью характера или жизнерадостностью. Кротость старого Коркиса и беззаветная доброта Урсулы были подавлены железной волей Фалькенбергов и бесследно исчезли в этих диких и неприступных скалах... В то же

время душевная чистота соборного сторожа и его кри-
стальная честность превратились в непомерную гордость.

Лишь несколько раз в роду Фалькенбергов появля-
лись лица, которые были отмечены сердечностью старого
Коркиса. Зато эти Фалькенберги были настолько добры и
бескорыстны, что их считали безумцами. Таковы были
епископ Тоннар фон Фалькенберг, поэтесса графиня Лю-
чия, верховный судья Рейнгард фон Фалькенберг и, нако-
нец, вождь народа Конрад фон Фалькенберг, впослед-
ствии казненный за участие в мятеже.

Празднества во славу святого Йоргена происходили
ежегодно еще несколько столетий. Уже знакомый нам
плащ святого Йоргена, два запасных плаща и еще великое
множество плащей было истрепано, съедено молью и за-
менено новыми для утешения верующих.

О пришествии святого Йоргена в Йоргенстад соборным
капитулом была написана и издана маленькая брошюра
в изящном переплете (она была перепечатана в пятом
томе ежегодника «Полезное чтение для народа»). Как
исторический документ это повествование может быть
принято лишь с некоторыми оговорками, тем не менее
благочестивая концепция и заключенная в нем богобояз-
ненная мораль делают его замечательным образцом подоб-
ного рода литературы.

И лишь в секретнейшем архиве собора до сих пор
хранится краткое сообщение об имевшем место мошенни-
честве и об ущербе, нанесенном соборной казне.

Совсем недавно в замке Фалькенберг были найдены записи о празднике святого Йоргена, сделанные собственной рукой Коронного вора. Они-то и легли в основу этой небольшой книжки.

В рыцарском зале замка висят несколько прекрасных портретов: это родоначальники младшей ветви Фалькенбергов. Краски уже потемнели, грунт потрескался, однако фамильные черты сразу же бросаются в глаза.

Над камином — самый большой портрет: это князь Микаэль Коркис Фалькенберг граф фон Темпельхейм (он же Коронный вор). На нем длинный парик, пурпурный камзол, а в руке жезл. Здесь он уже старик. Нет и в помине былой силы и юношеской красоты, но насмешливая улыбка и умные холодные глаза остались такими же, какими были много лет назад.

На портрете надпись:

Я поднялся на крыльях разума.

Рядом — портрет жены. Седина уже посеребрила ее волосы, на лице появились морщинки, — но это все та же Олеандра, прекрасная и гордая, своенравная и нежная. Видно, что с годами она очень располнела.

Под ее портретом написано золотыми буквами:

Она пренебрегла всем ради любви.

Так заканчивается повествование о празднике святого Йоргена.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Сюжет повести «Праздник святого Йоргена» датского писателя Гаральда Бергстеда (1877—1955) знаком читателям по фильму, созданному в Москве в двадцатых годах. Фильм получил второе рождение сравнительно недавно, когда был выпущен на экран уже озвученным, и, таким образом, его знает не только старшее, но и молодое поколение наших кинозрителей. Однако повесть Гаральда Бергстеда «Праздник Святого Йоргена» отличается от фильма. Повесть глубже, острее, значительнее, в чем и убедится читатель, прочитав это произведение.

Гаральд Бергстед, в сущности, автор одной книги, и эта книга — «Праздник святого Йоргена», написанная в 1918 году и получившая широкую известность. Опубликованный им ранее роман «Александрсен» не привлек внимания читателей. Включение повести «Праздник святого Йоргена» в «индекс» книг, запрещенных папой римским, прибавило ей популярности. И хотя действие повести происходит в средние века, сюжет ее перекликается с современностью. Уже одно то, что вор — «Коронный вор» — Микаэль Коркис является народу в образе святого Йоргена и исцеляет в Йоргенстаде Франца Поджигателя, подчеркивает антиклерикальную и антирелигиозную направленность повести.

Торжественное явление вора Микаэля Коркиса народу, массовая истерия, охватившая фанатиков, ожидающих новых чудес после того, как исцелен мнимый калека Франц,— все это нельзя считать выдумкой автора.

Позволю себе рассказать и читателям о том, что мне довелось увидеть во Франции, в городке Лурд. И в наше время сюда съезжаются тысячи паломников, жаждущих исцеления. Лурд находится в Пиренеях. Здесь есть кафедральный собор, собором управляет лурдский архиепископ. Кафедральный собор выстроен на скале, под скалой находится грот, а в гроте — источник и статуя мадонны. Источник, грот и статуя — святыня для католиков...

Я подъезжал к Лурду по хорошей автомобильной дороге. За километр от города открылась гора, на ней готический собор. Послышалось пение. Казалось, пела гора, а не двигающиеся по тропинкам в белоснежных одеждах женщины. Это выглядело как грандиозный оперный спектакль.

Наконец автомобиль остановился вблизи собора. К его паперти вели два громадных полукруга, по этим полукругам катили кресла и коляски больных, ищущих исцеления. Широкоплечие, здоровенные носильщики с широкими ремнями на груди несли на носилках парализованных.

Я и мои спутники спустились к гроту. Пройти к нему было невозможно — его окружала толпа. В толпе медленно двигались коляски, кресла на колесах. Они же были выстроены в несколько рядов на площадке перед собором. С горы дорога зигзагами вела к гроту. На дороге стояли в затылок друг другу мужчины и женщины в белых одеяниях и пели. В колясках и на носилках неподвижно лежали старики, юноши и дети. Ковыляли, опираясь на костыли, больные. Вели слепых. Это был неиссякаемый поток страдальцев, скорбное шествие несчастных, надевавшихся на чудо.

Наконец мы протиснулись к гроту. Над его черной впадиной в три ряда висели костыли, бандажи. Почти все костыли почернели от времени. Кто знает, кому они принадлежали и кто привесил дощечку с надписью: «Merci». И те, кто неподвижно лежал на носилках, глядели в глубину грота в надежде найти исцеление.

Седой, статный, в малиновом шелке и кружевах, аббат появился на кафедре над толпой. У него было несколько надменное розовое лицо, он был похож на актера, и пока люди, спускавшиеся с горы, пели, он рассеянно глядел на толпу.

«Берегитесь воров!» — заботливо предостерегала надпись на скале, у входа в грот. «Вход», «Выход», совершенно как в метро, было написано на табличках. На горе перестали петь. Аббат воздел руки и заговорил, произнося слова, как в театре, с плавными ритмическими жестами. Он говорил, что исцеление дается только верующему, слепо верующему во всемогущество мадонны и святой Бернадетты, а если исцеления нет, то это только потому, что больной плохо верит и, следовательно, сам виноват.

Маленький, юркий монах дирижировал движением толпы не хуже полицейского на парижской улице.

На площади продавали газету, которую издает епархия Лурда. Всю первую полосу занимал рассказ об исцелении какой-то Сюзанны Депре в 1897 году. Некий доктор Блан доказывал, что лурдские чудеса не противоречат науке, и было ясно, что этот доктор имеет хорошую практику в домах у богатых католиков. Мальчики раздавали афишки «Религиозное кино Бернадетты». На афише была изображена девица без головы; голову, вокруг которой сиял нимб, она держала в руках. Чтобы не было сомнения, в чью пользу идут деньги, уплаченные за билет в кинотеатр, афишка сообщала: «Собственность католической дирекции»...

Эти лурдские впечатления ожили в моей памяти, когда я перечитывал «Праздник святого Йоргена». Повесть эта позаба-

вит читателей перечислением теологических трудов никогда не существовавших богословов: епископа Никодима, Птолемея Правдолюбца, профессора А. П. Бриллемаиа, магистра Йенсена. Их труды, вероятно, мало чем отличались от многочисленных брошюр, издаваемых в Лурде. Празднества в честь святого Йоргена, соборный капитул, хранители «Евангелия от Йоргена» — все это изображено Бергстедом зло, с сатирической солью, достойной хороших образцов антиклерикальной литературы.

Микаэль Коркис — натура крайне противоречивая, и автор не пытается как-то сгладить или примирить эти противоречия. Микаэль красив, мужествен и умен, а когда-то у него было еще и мягкое и отзывчивое сердце. Но жизнь не только закалила его дух, она озлобила его. Он решил, что в мире, где сильный пожирает слабого, надо быть сильным, и только сильным. Он победил соборный капитул, с триумфом возвратился в родной город, утолил свое честолюбие и жажду мести, вдоволь поиздевался над первосвященниками и паломниками... но счастливее от этого не стал. Он лишь ощутил страшную пустоту: сбывшись его самые дерзновенные мечты, а он остался таким же одиноким, каким был всю жизнь...

В конечном итоге это очень грустная повесть. Грустная не только потому, что она рассказывает о духовной и физической деградации человека в обществе, где царит обман и нажива. Она грустная еще и потому, что автор не знает, как этого человека спасти. Правда, один из потомков Микаэля Коркиса, вождь народа Конрад Фалькенберг, участвовал в мятеже, но ведь его сочли безумцем и казнили... И если главное достоинство книги в ее антиклерикальной направленности — здесь Бергстед достиг большой силы художественного убеждения, — то неверие автора в окончательную победу добра над злом, неверие в народ составляет ее существенный недостаток...

Повесть направлена не только против отцов католической церкви, хотя она и выдержана в духе средневековых хроник.

Разве полвека назад в дореволюционной России не числился в чудотворцах Иоанн Кронштадтский, который якобы исцелял страждущих? По прихоти русских царей канонизировали Серафима Саровского, Анну Кашинскую, и ученые богословы сочиняли глубокомысленные труды и пространно, со ссылкой на Писание, доказывали святость новоявленных угодников и прославляли якобы совершенные ими чудеса.

Разумеется, в этой повести средневековые — своего рода маскировка, за которой явственно видишь правы современного капиталистического мира и то место, которое занимает в нем религия. Жорес в свое время очень верно сказал: религия — это старая колыбельная песня, ее назначение — убаюкивать человечество, заставить не думать о тяжелых условиях жизни бедняка и обещать ему в будущем райское блаженство.

Именно так и поступают отцы города Йоргенстада: все пышные, торжественные религиозные церемонии рассчитаны на то, чтобы убаюкивать массы, примирить с мрачной окружающей их действительностью.

Конечно, повесть Бергстеда по своей художественной ценности не может идти в сравнение с антицерковными произведениями Вольтера, Толстого, Анатоля Франса, но, несомненно, и это произведение полезно, и читатель, прочитав эту повесть, не только посмеется, но и задумается над тем, против кого и против чего написан «Праздник святого Йоргена».

Лев Никулин

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Пролог	7
1	
Паломники	11
Коронный вор	22
Город святого Йоргена	31
Олеандра	48
В родном городе	55
2	
В священную рощу	65
Перед выносом плаща	66
Возвращение святого Йоргена	74
Владыка храма	84
Ожидание	90
Замыслы святого Йоргена	95
Невеста святого Йоргена	102
3	
Утро святого Йоргена	107
Франц	112
Триумф	117
Лицом к лицу	125
Земная справедливость	130
Немезида	135
Дипломатические переговоры	146
Прощание	149
Отъезд	157
Э п и л о г	160
<i>Лев Никулин.</i> Послесловие	170

ГАРАЛЬД БЕРГСТЕД
Праздник святого Йоргена

●
Редакторы

А. Мирнова и Н. Высоцкая

Художественный редактор

Д. Ермоленко

Технический редактор

Ж. Примак

Корректор

А. Паранюшкина

Сдано в набор 26/VI 1962 г.

Подписано в печать 13/IX 1962 г.

Бумага 70×108¹/₃₂. 5,5 печ.л=
=7,5 усл. печ. л. 6,94 уч.-изд. л.

Тираж 150 000 экз. Зан. 3115.

Цена 43 коп.

Гослитиздат.

Москва, Б-66. Ново-Басманная, 19.

Первая Образцовая типография

имени А. А. Жданова

Московского городского совнархоза.

Москва, Ж-54, Валовая, 28.